

ЛЕСТЕХОВЦЫ — ПОБЕДЕ

Сборник воспоминаний ветеранов МГУЛ (бывшего МЛТИ) о Великой отечественной войне 1941 – 1945 гг.

Мы не звали войну, но в священной войне победили... **В** канун всенародного праздника Победы советского народа над фашистской Германией музей нашего университета леса принял доброе решение издать книгу воспоминаний участников Великой Отечественной войны, работающих или работавших в нашем вузе.

9 мая 1945 года! Никогда не забыть этот день! Как не забыть и 22 июня 1941 года, и те 1418 дней и ночей войны, во время которой советские люди и на фронте, и в тылу проявили высочайший героизм и мужество, патриотизм и готовность к самопожертвованию ради достижения общей Побелы.

Теперь, много лет спустя, легче охватить картину Великой Отечественной войны в целом: от первых приграничных сражений и героической защиты Брестской крепости до штурма Берлина и водружения над куполом поверженного рейхстага Красного Знамени Победы. Кстати, немногие знают, что перевозил это Знамя в Москву штурман ВВС Ю.П. Яцуба, впоследствии долгие годы работавший в нашем вузе.

Сейчас стало возможным философски осмыслить итоги той войны, яснее видны причины наших неудач и факторы, определившие в конечном счете победу нашей страны над таким сильным противником, как фашистская Германия. Сегодня много пишут о войне, анализируют, сопоставляют, изучают документы, бывшие ранее секретными. Но что может живее и ярче передать картину и дух военных лет, чем воспоминания непосредственных участников тех событий! Кто, как не они, может рассказать о великом патриотическом порыве, духовном подъеме, единстве всего народа во имя спасения Родины. Любовью к Родине, к жизни, грядущим поколениям пронизаны все воспоминания, собранные в этом сборнике. Огромное спасибо авторам, которые попытались передать через свои чувства и мысли атмосферу фронтовых будней, которые, вновь и вновь переживая эту боль (ведь воспоминания о том трагическом времени всегда поднимают волну переживаний, будоражат душу), стараются донести до читателя правду о войне.

Среди авторов книги — большинство тех, кому тогда было 18-25 лет. Это они одержали победу под Москвой и Ленинградом, в Сталинграде и на огненной Курской дуге, участвовали в освобождении Украины и Белоруссии, штурмовали Кенигсберг, и Берлин, вернули независимость многим странам Западной Европы.

Это они, люди разных национальностей, с юности познали глубокие чувства товарищества и солдатского братства, верности Родине, проявили высокие духовные и нравственные качества. Это они, испытывая невероятные трудности и лишения, отступая под натиском сильного и жестокого врага, сражаясь в полном окружении, изнывая от голода, жары, холода, вопреки всему с каждым днем приближали час Победы.

Это они, вернувшись с войны, восстанавливали разрушенные города и села, пришли в аудитории институтов, сели за парты в школах, чтобы закончить прерванное войной

обучение.

Много молодых людей, одетых в поношенную военную форму, в первые послевоенные годы пришли в наш Московский лесотехнический институт. Они принесли с собой неутолимую жажду к знаниям, стремление быстрее и успешнее закончить вуз и своим трудом участвовать в подъеме лесной отрасли страны.

Бывшие фронтовики не только успешно учились, но и принимали участие в строительстве главного корпуса и столовой института, благоустройстве территории, были активными общественниками, не жалея времени и сил,

трудились на благо института.

Впоследствии многие фронтовики - выпускники МАТИ стали крупными организаторами производства, общественными деятелями и учеными. Некоторые трудятся в нашем вузе и поныне. Мы постарались поместить в сборник материалы всех, кто откликнулся на нашу просьбу поделиться своими воспоминаниями о войне. Особо хочется отметить, что в эту книгу вошли стихи бывшего преподавателя МАТИ, видного ученого и прекрасного поэта, также участника войны Анатолия Васильевича Вагина.

Закончить свою вступительную статью я хотел бы словами Героя Великой Отечественной войны Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова: "Я призвал бы нашу... молодежь бережно относиться ко всему. что связано с Великой Отечественной войной. Нужно изучать военный опыт, собирать документы, создавать музеи, сооружать монументы, не забывать памятные даты и славные имена. Но особенно важно помнить: среди вас живут бывшие соддаты. Относитесь к ним бережно...".

Н.И.Лебедев, председатель Совета ветеранов Великой Отечественной войны, Вооруженных Сил и труда МГУЛ.

помним

Разве забыть нам военные годы!? Разве забыть боевые дела!? В битвах за Родину-мать и Свободу Молодость наша прошла.

Помним мы грохот боев в Подмосковье В первую осень великой войны. Здесь заслонили мы жизнью и кровью Сердце родимой страны.

Насмерть на волжских обрывах стояли: Нет нам земли за священной рекой. И победили - врагам не отдали Доблестный город-герой.

Долго пришлось от твердынь Сталинграда К логову зверя с боями идти, Но мы смогли одолеть все преграды И до Берлина дойти.

Знамя Победы над крышей рейхстага, В небе московском салют, Майские дни и спасенная Прага . В памяти нашей живут...

Старятся годы, меняются реки: Время осилить нельзя. Но молодыми остались навеки Павшие наши друзья.

Помним мы все, пооратимы-солдаты, Помним, покуда живем. В будние дни и в великие цаты Помним и честь воздаем.

Виктор Иванович АЛЯБЬЕВ,

профессор

Какие чувства испытываю я, как и многие другие оставшиеся еще в живых ветераны Отечественной войны, в связи с юбилеем Победы? Чувства очень сложные и противоречивые. С одной стороны, я преисполнен гордости за нашу Великую Победу, а с другой — меня одолевают горечь и боль от сведения к нулю ее результатов для России, адекватного великому поражению.

Кардинально изменен общественно — политический уклад нашего Отечества: от социализма с его социальными гарантиями нас привели то ли в феодальный, то ли буржуазный строй с беспощадной экономикой и шквальным захватом нашего рынка иностранными товарами, улиц и площадей — инородными надписями, радио, телевидения, кино — чуждой нам, в основном американской, масс — культрой и тенденциозной информацией.

Да, наше поколение может гордиться участием вместе со всем советским народом в Отечественной войне. Тогда весь народ добывал победу: и те, кто воевал на фронте, и те, кто трудился в тылу. Многие отдали за нее свои жизни. Вечная им слава и благодарная памяты!

Победа народов Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. стоит в ряду самых значительных и важных в мировой истории. Разгромив фашизм, советский народ отстоял независимость не только своей Отчизны, но и право на жизнь для многих наций. Ведь одной из целей немецкого нацизма являлось и физическое уничтожение наций, которые они относили к так называемой низшей расе, в том числе и славянских народов.

Победа над фашизмом имела громадное значение для многих народов Европы. Только в результате нес

<u> АЕСТЕХОВЦЫ - ПОБЕДЕ</u>

стали независимыми государствами, а не остались под пятой Гитлера Франция и Бельгия, Польша и Чехословакия, Австрия и Венгрия, Румыния и Болгария, а теперь Эстония, Литва и Латвия.

Мало того, и в России, и за ее рубежами находится немало людей, которые иногда по недомыслию, а чаще по злому умыслу пытаются переписать историю войны, умалить и даже замолчать подвиг советского и особенно русского народа. Эти люди в печати, по радио и телевидению изливают лживые измышления о событиях военного времени, о героях войны, не щадя самые святые для нас имена полководцев (даже Г.К.Жукова) и солдат (Матросова, Космодемьянской, панфиловцев), и живых — оскорбляя воевавших, и мертвых — оскверняя могилы.

Для меня война началась в 1939 году, с Финской кампании. В 1940 году мы освобождали Эстонию ("оккупи – ровали", как говорят ныне прибалты).

Мне было 19 лет, когда началась Великая Отечественная война. Я прошел ее солдатом (в конце войны — старшим сержантом), шофером грузовой машины, сначала в отдельном автотранспортном батальоне Ленинградского фронта отступление от Таллинна до Ленинграда, блокада, Ладожская Дорога жизни, — а потом с 18—й Артиллерийской Гатчинской Краснознаменной Ордена Суворова I степени дивизией прорыва резерва Главного командования — наступательные бои — Гатчина, Нарва, Таллинн, Варшава, Данциг и наконец, прорыв обороны немцев на Одере и взятие Берлина, где мы встретили Победу.

За военные годы мне пришлось немало испытать и увидеть. После войны я много читал и могу отличить правдивое от лживого, недобросовестного. Вот, например, сейчас много пишут и говорят о соглашении Риббентропа — Молотова, о несправедливости с нашей стороны Финской войны, об ожкупации Прибалтики. При этом ничего не говорится о незаконном декрете Ленина, который без согласия народа отделил от России ее исконные прибалтийские земли. Для меня же совершенно ясно, что освобождение Прибалтики, именно освобождение, так как

лекрет Ленина был незаконным, так же как и Финская война, были необходимы и правильны. Если бы это не было сделано, немцы бы начали войну на Карельском перешейке не с Выборга, а с Сестрорецка (30 км от Ленинграда), в Прибалтике — не с литовской границы, а с Нарвы (90 км от Ленинграда), так как немцы перед войной, конечно же, ввели бы свои войска и в Эстонию, и в Латвию, и в Литву, как они это сделали в Бельгии, Финляндии, Румынии, Польше. Тогда Ленинград был бы наверняка взят немцами, и они сровняли его с землей. Вряд ли бы тогда устояла и Москва. Ход войны и ее результаты были бы тогда другими — трагичными и для нас, и для многих стран и народов Европы.

Еще один пример. Поляки нас обвиняют в том, что мы чуть ли не предали их, не освободив Варшаву раньше, когда там было их восстание, которое немцы подавили, и поляки потеряли несколько тысяч человек. Я участник освобождения Варшавы и всей Польши (мы потеряли при этом 600 тысяч человек) и хорошо помню именно как шофер, что до самого начала наступления на Варшаву мы подвозили к фронту снаряды, горючее, шла техника, новые войсковые пополнения. Если бы мы начали наступление неподго—товленными, то, с учетом форсирования Вислы, наши потери были бы больше на десятки и даже сотни тысяч солдат и офицеров. Во имя чего? Во имя кучки польских политиканов, рвавшихся к власти и не желавших согласовывать с нашей армией момент восстания, как это было сделано чехами в Праге.

Можно привести много примеров необъективного и обидного для встеранов освещения событий Отечественной войны или подчеркивания лишь негативных моментов, которые, безусловно, были, и замалчивания всенародного героического подвига.

Утешает лишь то, что наша победа была так велика, ее результаты так очевидны, а подвиг нашего народа так значителен, что никому и никогда не удастся их ни замолчать, ни опровергнуть. Величис нашей победы будет жить в веках, и народы Европы всегда будут благодарны советским воинам.

AECTEXORUM - ROSEAE

Я пишу это с уверенностью, поскольку хорошо помню, с какой благодарностью нас встречали трудовые люди Польши, я видел слезы радости и благодарности у освобождаемых нами из плена французов, чехов, словаков, не говоря уж о русских, украинцах, белоруссах. Даже немцы считали нас не врагами, а воинами, закономерно победившими фашистское зло.

Мы перешли границу Германии зимой 1944—1945 гг., демобилизовали меня из Германии в июне 1946 года. За все время пребывания в побежденной стране я не видел и не слышал ни об одной не то что диверсионной, по даже

недружелюбной акции.

Война была тяжелым испытанием для всего советского народа, и он это испытание выдержал. Война требовала от тружеников тыла и фронтовиков стойкости и мужества, причем не кратковременных, а в течение долгих четырех лет. В чем же истоки стойкости и мужества народа? Можно уверенно сказать, что они — в любви к Родине. Именно любовь к Отчизне, к своему народу вселяла веру в Победу, вела нас к ней. Мне с моими однополчанами пришлось испытать горечь отступления, два раза чудом мы вырывались из окружения, голодали в осажденном Ленинграде, но у нас никогда не было никакого сомпения в окончательной победе.

Я хорошо помню наши разговоры в холодных землянках (мы тогда еще не умели их строить) на берегу Ладожского озера в коротких перерывах между рейсами. Мы уже тогда знали: нам надо, и мы дойдем до Берлива. Конечно, каждый из нас сознавал, что он лично может и не дойти, по все были уверены в общей победе.

Помню моего друга Володю Черносвитова, мечтавшего стать писателем. Он так убежденно говорил о победе, что всем нам хотелось скорее идти вперед, а сам он буквально рвался в самые опасные рейсы. Он не дожил до Победы, погиб на подступах к Берлину, так и не написав своей книги

o poğue

Военные годы были характерны также внутренней ответственностью каждого из нас за выполнение долга в любых условиях, в любой обстановке: и нод обстрелами, и нод бомбами, когда хотелось срастись, с землей, каждый делал то, что от него требовалось.

Помню, мы поехали за спарядами к складу на окраине Ленинграда, а этот район бомбили. На окраине начался пожар от зажигательных бомб, кое – где были видны раскаленные струи, стекавшие с крыш. Мы все, не сговариваясь, подали машины именно к загоревшимся складам, чтобы быстрее вывезти из них снаряды. Одни грузили их на машины, другие тушили пожар. Взрыв был

предотвращен. Еще я живо вспоминаю Ладожскую Дорогу жизни, по которой мне пришлось ехать уже 29 - 30 ноября 1941 года в числе первых машин с нарубленными в лесу вешками. Лед бых еще очень слабый, и, как он прогибается, я увидел, лишь когда выскочил из своей провалившейся нолуторки ГАЗ АА. Потом лед окреп, и началось регулярное движение. Дорогу бомбили и обстреливали немцы, особенно 9-й км, где из-за подледного течения была трещина и вследствие этого постоянно образовывалось скопление машин. Несмотря на обстрелы, на льду постоянно песли службу дорожники и регулировщики - молодые девушки. В мороз, на пронизывающем ветру, часто под огнем они направляли машины в сторону от воронок и трещин. И если бы не они и их обогревательные налатки, я однажды попросту бы замерз, когда в 30 - градусный мороз моя машина вышла из строя.

Не могу не вспомнить поездки по весениему льду. На нем выступала вода, сначала были небольшие лужи, потом они становились больше, а затем они покрывали всю дорогу, и приходилось ехать по сплошной воде, не зная, что скрывается под нею. Но ехать было надо, и мы возили грузы, необходимые Ленинграду, пока лед держал машины.

Для фронтовых отношений были характерны силоченность, дружба, чувство товарищества, взаимная выручка. Такая атмосфера царила всегда: и при отступ-лении, и в наступлении, и в боях, и на отдыхе. Ведь недаром так много говорится о фронтовой дружбе.

Мне запомнился один случай, возможно потому, что он

ЛЕСТЕХОВЦЫ - ПОБЕДЕ

был одним из первых. Нашей группе из 4—5 машин было приказано развезти боевые припасы по лесным тайникам для партизанских групп в районе Чудова. Выполняя это задание, мы задержались из—за плохих дорог, и, когда на обратном пути пытались выехать на шоссе, нас обстреляли немцы, занявшие дорогу. Потеряв одну машину, мы стали пробираться к Ленинграду боковыми лесными дорогами. Наступила ночь, двигались без фар, я ехал последним. Передние машины расшатали мостик, и он провалился подо мной. Я остался один и, наверное, не сумел бы выбраться, если бы не мои товарищи. Несмотря на тревожность обстановки — надо было торопиться, пока немцы не перерезали боковые дороги, — они, заметиь мое отсутствие, издалека вернулись за мной, вместе мы вытащили машину и уже к утру возвратились в часть.

И, наконец, о самом тяжелом в памяти о войне.

Это — не опасности: мы считали их неизбежными и привыкали к ним. Это — не тяжелый труд, часто без сна и отдыха, это — не холод и голод. Самый неизгладимый след в душе и сердце оставили жертвы войны. Это — умирающие ленинградцы, женщины и дети. Мы вывозили их из блокады по Ладоге и иногда не довозили живыми. Это — наши погибшие товарищи, которых мы потеряли в боях.

Нельзя забыть голодных, исхудавших детей из только что освобожденных начисто сожженных деревень Псков — щины, этого исконно русского края, колонны измученных советских людей, вызволенных из фашистского плена.

А развалины Петергофа, Пушкина, Павловска, Гатчины, Пскова — разве можно забыть их?! Как больно было видеть свежие раны родной земли, своего народа! Эта боль осталась на всю жизнь вместе с обостренным чувством Родины, сознанием необходимости обеспечения ее безопасности и обороноспособности.



Николай Дмитриевич БАЗДЫРЕВ,

старший преподаватель, Герой Советского Союза

Родом я из Оренбургской области. Семья наша жила в колхозе, занималась сельским хозяйством. Когда началась война, мне было 15 лет. На фронт удалось попасть только в 1942 году добровольцем.

Я как рядовой сержант — пулеметчик много повидал за годы войны, но передать в словах это очень сложно, поскольку война была пережита, прочувствована нами глубоко внугри себя, пропущена через наши нервы и сердце. О войне много написано, создано кинофильмов, но, честно сказать, по — настоящему реалистических картин практически не встречал.

Мне пришлось воевать в составе 2-го и 3-го Украинских фронтов, потом — на 1-м Белорусском, освобождать Донбасс, Украину, Молдавию, Польшу. Закончим войну на р. Одер, где при прорыве обороны был тяжело ранен, поэтому о победе узнал уже только в госпитале.

Сражение на р. Одер было одним из самых трудных, поскольку на своей герритории враг дрался отчаянно. К Одеру мы подошли в ночь на 1 февраля и после боев с противником форсировали его. Первую линию обороны заняли довольно быстро, а вот со второй пришлось тяжко. Это было ровное вспаханное поле, залитое снеговой водой. Хотя ночь стояла темная, наш батальон был обнаруженосветительными ракетами. Фашисты встретили нас таким огнем, что, казалось, не останется ничего живого. Мы лежали под этим огнем в снеговой воде до рассвета. Хорошо, что на головах были каски.

По нашей роте очень сильно били три или четыре пулемета врага. В темноте я из засек по трассирующим

ЛЕСТЕХОВЦЫ - ПОБЕДЕ

пулям и вспышкам огня, а когда рассвело, точно определил, где эти пулеметы находятся.

Лежать дальше становилось невозможно: много было раненых, да и мы сами замерэли так, что руки — ноги не шевелились. Командиры тоже были ранены. Тогда я зашумел, что пора подниматься; батальон встал, и, стреляя на ходу, пошел на врага. Мне удалось заставить замолчать эти вражеские пулеметы.

Когда оборона была прорвана, батальон, преследуя отступавших немцев, вошел в населенный пункт. В подвалах и домах были немцы, а между домами — траншеи. Потом выяснилось, что батальон так вклинился в оборону противника, что стреляли они почти со всех сторон. Поэтому пришлось отойти назад и расположиться в немецких укреплениях. Эти укрепления находились вдоль канала, и нас через несколько дней стало затоплять водой.

Спали на коленях, просыпались от ледяной стужи полуживые. Попытались взять завод с высокими трубами, расположенный позади нас — уж очень немцы донимали оттуда отнем, — но безуспешно.

А потом фашисты перешли в наступление. Артиллерия била так, что не было живого места от разрывов. Затем двинулись танки и пехота. Мои боевые друзья были ранены и завалены землей. Вскоре от сильного взрыва эта участь постигла и меня. Когда стемнело, ко мне стали приближаться какие—то люди. Я решил, что это немцы, и приготовил пистолет, взял гранату и крикнул: "Живым не сдамся!". Хорошо, что подпустил поближе. Оказалось, что это были наши, уцелевшие от 9-й роты во главе с сержантом Абакаровым. Они—то и уволокли меня на плащ—палатке из—под носа у немцев. Когда огонь немного утих, меня положили на носилки: состояние было очень тяжелое, и я уже не надеялся, что выживу. Но спасибо врачам, они сделали все возможное. А 5-я ударная армия пошла в наступление на Берлин...

Думали ли мы во время сражений о подвиге, героизме? Конечно, нет. В абсолютное бесстращие я не верил, но ниогда находило какое – то самозабвение, уж очень хотелось победить фашистов. И еще внутри жило чувство долга, ответственности за людей. Кому нравилась война? Холод, усталость, окопы, смерть на каждом шагу, поэтому нужно было приближать победу, учиться военному искусству, честно выполнять свой солдатский долг. Примером для нас служили командиры: их ум, стойкость, мужество вдохновляли нас, вселяли уверенность в победе. В них ощущался непреклонный российский дух, характер, и мы учились у них. А молодые необстрелянные солдаты учились у нас, более опытных.

Мне часто приходилось быть связным у двух командиров, поэтому я мог охватить в сознании всю картину боя, болел за сражение в целом. Имея небольшой военный опыт, при случае брал инициативу на себя, вел за собой людей, но я никогда не считал это чем — то особенным. Это был мой солдатский долг.

О наградах мы тогда не думали. Поначалу их выдавали скупо, поскольку армия несла большие людские потери. Например, в 1943 году мне пришлось пережить четыре формировки, т.е. мое подразделение практически формировалось заново из вновь прибывших солдат и офицеров взамен погибших... Психологически это было очень тяжело. Ко многому мы привыкали на войне, но смерть боевых товарищей, однополчан всегда оставляла в душе неизгладимый след.

Впоследствии и моих друзей, и меня паграждали орденами и медалями за успешное выполнение боевых задач, но носить их было негде и некогда. Что с ними делать, когда идешь в бой или ползешь по — пластунски? А о том, что я получил звание Героя Советского Союза, узнал уже после войны, когда пришли документы.

Мирную жизнь встретил с блаженством, долго не верилось, что она наступила. Зато война еще долго снилась, но вспоминать о ней не хотелось...



Валентин Юлианович БАШИНСКИЙ,

доцент

22 июня 1941 г. я, будучи студентом Бобруйского техникума по механической обработке древесины, сдавал экзамены. В 12 часов нас собрали в кабинете директора по поводу важного правительственного сообщения. Это была речь В.М.Молотова о вероломном нападении Германии на нашу страну. Мы, допризывники, были уверены, что война будет на вражьей земле и наши войска сразу перейдут в наступление, а трудящиеся всех стран Европы нас поддержат. Но события развернулись по - другому. Уже в 17 часов над Бобруйском летал фашистский самолет - разведчик. Вся зенитная артиллерия крепости стреляла, но сбить его не смогла. Через день начались бомбежки и полеты на низкой высоте с целью запугивания. На следующий день вернувшийся из командировки преподаватель рассказал, что немецкий истребитель расстрелял жен и детей комсостава, эвакуировавшихся от границы в тыл. Нанервничавшись за день, я завалился спать прямо в пальто и ночью даже не слышал взрыва четвертьтонной бомбы в двух кварталах от меня, отчего людей подбрасывало на кроватях.

Через несколько дней техникум распустили, преподавателей взяли в армию, а мы, 15 студентов, пошли в военкомат и горком комсомола с заявлениями о досрочном призыве. Нам ответили: "Подождите до 1 июля, сначала возьмем обученных, а потом вас, необученных". Положенную за отпуск стипендию нам не выдали, сунув по 15 рублей на клеб, а остальные деньги присвоили главбух и кассир, удравшие с эвакуировавшимися жителями. Я эвакуировался в Куйбышев, затем — в Челябинск, Магнитогорск и совхоз "Степное" Верхнеуральского района. В Куйбышеве я встретил друга по техникуму, и мы вдвоем стали помощниками комбайнеров. До ноября мы убрали и намолотили столько

хлеба, что нам бы не съесть за всю жизнь. Моей одеждой была старая телогрейка, а на ногах веревочные лапти за 6 руб. 50 коп. из сельпо.

В ноябре получил повестку в армию, но пришлось пройти проверку еще через один фильтр - строительный батальон в г. Верхний Уфалей, где в трудных условиях расширяли никелевый завод. Проверку выдержал: на сорокаградусном морозе киркой, молотом и клиньями долбил землю под фундамент. Вдруг нас с товарищем вызывают в ГК ВАКСМ, затем в ГК ВКП(б), где вручают пакет с личными делами на 17 человек и говорят, что по разверстке Челябинского обкома партии мы теперь политбойцы дивизии, наполовину состоящей из амнистированных заключенных, а мы нужны для укрепления ее рядов. С пакетом я прибываю в г. Курган, в 165 - ю СД, где меня зачислили в стрелковую роту. Вскоре с моего согласия меня переводят в роту дивизионной разведки (199-ю ОМСР), где тренируют на лыжах по 25 км в день, учат правилам разведки. Мы выезжаем на Волховский фронт, в место, где шли бои за вывод из окружения опухших от голода солдат 2-й ударной армии, командир которой оказался предателем. 45 дней в Мясном бору шли бои и велась разведка боем. В последней разведке боем перед прорывом меня ранили, и я был эвакуирован санитарным эшелоном в г. Бугульму Татарской АССР. Затем переучился из разведчика на пулеметчика и участвовал в первом прорыве блокады Ленинграда в январе 1943 г.. Как-то перед наступлением меня вызвал политрук и сообщил, что меня собираются рекомендовать в кандидаты в члены партии, если я заслужу в бою хорошую характеристику. После прорыва меня приняли в кандидаты в члены ВКП(б) и направили на курсы младших лейтенантов 55-й армии Ленфронта.

Вспоминается такой случай. Будучи в боевом охранении на острове на Неве 5 декабря 1943 г., под огнем противника с противоположного берега на лодке с одним веслом я спас трех солдат, у которых при переправе на остров затопула лодка. Видя, что их командир бросился на помощь сам, а не послал кого — то, мои подчивенные впоследствии

ЛЕСТЕХОВЦЫ - ПОБЕДЕ

безукоризненно вели себя в боях и идеально выполняли все

приказы.

В составе 291 — й СД, переданной затем в 42 — ю армию, участвовал в окончательном снятии блокады Ленинграда, наступая с Пулковских высот в направлении Красного Села и Гатчины. При взятии Красного Села, поддерживая пулеметным взводом 5 — ю стрелковую роту, видя, как заметались ее стрелки и как они несут потери, проявил инициативу, подняв роту в атаку и избавив ее этим от минометного обстрела. Атака была поддержана батальоном, полком, дивизией, в результате чего правая окраина Красного Села была захвачена за день до его взятия соседними дивизиями, создав угрозу противнику. По пути в Гатчину, преследуя противника, в наступлении был ранен и эвакуирован в ленинградский госпиталь.

В мае 1944 г., получив II группу инвалидности, я был уволен в запас и уехал в г. Щелково. После подтверждения инвалидности через 6 месяцев с опозданием на полтора месяца поступил на I курс факультета МОД Московского лесотехнического института. Такой была "одиссея" и у многих других молодых людей, "досрочно" вернувшихся с войны.

Теперь о времени. Служба в военное время была очень нелегкой, но у меня о ней остались самые добрые воспоминания. Хорошее настроение определялось тем, что у всех было одно желание — спасти страну от рабства; при любом бедствии каждый бросался на выручку к другому, все были как одна семья. Вступая в партию, люди не думали о выгоде и карьере. По словам поэтессы:

Мы все живем одной судьбою, И нам в одном строю равняться. Но есть у коммунистов преимущество такое, Что им в атаку первым подниматься. Судите сами, так ли я это выполнял.

Самое страшное для ветеранов теперь — нашествие разнузданного эгоизма, жажды наживы, желания поживиться за счет другого, паразитизма. Вспоминая войну, ветераны гордятся своими страной и народом, которые в 1941—1945 гг., потеряв территорию, где проживало 80 миллионов

человек, отправив мужчин в Красную Армию, сумели превзойти по выпуску самолетов, танков, вооружения, боеприпасов (и обеспечить лучшее в мировой технике их качество) 300—миллионную Европу с ее хвалеными заводами Круппа, Шкода, Шнейдера и Крезо и создать материальные предпосылки для победы над сильнейшей армией мира.

Думаю, не ошибусь, если скажу, что сегодня ветераны живут одной надеждой — на возрождение величия нашей Родины!



Иван Федорович ВЕРХОВ,

профессор

ел июнь 1941 года. Наша небольшая железнодорожная станция, расположенная в Мордовской АССР, пропускала воинские составы через каждые 2-3 часа. Местное население было встревожено. Если эшелоны останавливались на 15-20 минут, военных тут же окружали, дарили цветы и кто что мог. На вопрос: "Куда направляетесь?", ответ был один: "Переезжает часть". Мы уже стали привыкать, но вот наступило 22 июня. Воскресенье, нерабочий день, прекрасная погода. Одни ушли в лес, другие на реку. Мы, мальчишки, тоже были на реке. Примерно в 11 часов дня от пришедших узнали, что в 12 часов ожидается важное правительственное сообщение. Взрослые все как один потянулись в поселок. В 12 часов голос В.М.Молотова объявил о вероломном нападении Германии на Советский Союз. Все стояли молча, затаив дыхание, а потом раздался плач женщин. Мужчины пытались как - то их успокоить, но безрезультатно. Слова "война", "что же теперь делать" были у всех на устах. Мне исполнилось 12 лет, и оценить и понять это сразу было непросто. Помпю, в группе мужчин начался спор. Одни говорили: "Не допустим, ненадолго", а другие утверждали, что война будет жестокой, длительной, что враг коварен и т. п.. Так прошло примерно 1,5-2 часа, а затем все стали расходиться по домам, опустив головы. Примерно часов в 9 вечера мы уже знали, кому пришли повестки. На проводах стояла гробовая тишина, которую нарушал только плач женщин и детей, вносивший смятение в наши души. Потом, когда начали приходить похоронки, стала нарастать ненависть к врагу. "Все для фронта, все для Победы", - это были главные слова. В августе стали прибывать эвакуированные, а в сентябре - октябре - колхозники (на лесозаготовки). Все жилые дома поселка были заняты мобилизованными. Когда немцы вошли в Воронеж и повернули в направлении Тамбова, Ряжска, Рязани, мы, мальчишки, стали готовиться в партизаны (хотя до нас было не менее 250—300 км). Леса наши изрезаны глубокими оврагами, есть топкие болота. Из своей среды (как правило, это были мальчишки из эвакуированных) выбрали ответственных, своего рода командиров. Но, чтобы попасть в группу, надо было пройти испытание на стойкость и выдержку. Не тушью, а сажей накалывали какие—либо знаки, буквы на руках. Если плачешь, значит не годишься! Я выдержал испытание и чуть не лишился левой руки от заражения. Спасибо маме: она увидела завязанную распухшую руку и ахнула. Благодаря ее лечению настоями трав через неделю уже все прошло, только на руке осталась отметина на всю жизнь.

В 1943 г., как только мне исполнилось 15 лет, я поступил работать в Шацкий лесопункт Тамбовского леспромхоза приемщиком леса. Человек сто заготавливали дрова различных размеров, вывозили к линии железной дороги и погружали в вагоны. Каждый день, в мороз и метель, по 7 км туда и обратно, без выходных дней приходилось шагать на работу в течение почти трех лет. В лесу, как говорят у пня, нужно было подсчитать выполнение нормы выработки, определить, кому какие приходятся талоны на хлеб, а вечером выписать наряды, дать сводку о работе. Спать приходилось ложиться не раньше 23.00, а в 6 утра уже надо было идти на работу. Трудились в основном женщины разных возрастов. Никакой механизации - все вручную. По одноколейной деревянной дороге женщины везли тачки с дровами, чтобы обеспечить города, фабрики и заводы паровым топливом. Низкий поклон им за самоотверженный труд! Оставляя детей с бабушками или одних, они выполняли норму 250 кубометров на человека за сезон. Трудно было физически, материально, трудно было морально. У каждого в душе - боязнь за отца, брата, мужа, сына, любимого человека, которые были там, на фронте. Люди платили налоги, подписывались на заем, добровольно вносили свои сбережения на самолеты, танковые колонны и т. п.. Единой

AECTEXOBUЫ - ПОБЕДЕ

трудовой семьей жили люди. Недаром тыл называли "трудовым фронтом". Братство, сплоченность, трудолюбие помогли отстоять и защитить нашу Родину от немецких захватчиков.

Исполняется 50 лет Великой Победе. Уже те мальчишки стали пенсионерами: время неумолимо бежит. Хочется пожелать нашей молодежи быть достойными преемниками старшего поколения, гордиться своей Родиной, преумножать ее славные традиции.

Сплоченность в наше время — залог преодоления всех бед.



A.BATNH

BCTPE4A

Мы были вместе слишком мало. Три дня в пути и сразу в бой. Война нас быстро раскидала Своей безжалостной рукой.

Вперед ушел я, он остался Лежать на бруствере ничком. Нигде потом я не встречался С тем тихим русым пареньком.

И повстречался бы едва ли вы В потоке наших быстрых лет. Но вот на днях в одном журнале Увидел я его портрет.

Узнал его: все прежним светом Глаза знакомые горят, И имя то же. Под портретом — "Герой Труда, лауреат".

Вот rgel В числе лауреатов
Я много дней спустя нашел
Того ровесника—солдата,
С которым рядом в бой пошел.

Виктор Елисеевич КАЛИВЕРДА,

преподаватель военной кафедры

е уверен, что сегодня кому—то интересно, как 50 лет назад какой—то солдат совершил драп—кросс из—под Ростова до Баку (более 1000 км) в страхе и голоде, а затем такой же голодный и напуганный протопал или прополз на брюхе назад те же 1000 км. Кому интересно, как какого—то солдатика несколько раз убивали, но он выкарабкивался. Или как он отправлял на тот свет себе же подобных несчастных. Сегодня, чтобы привлечь внимание к такому материалу, мало быть даже такими талантами как В.Быков или В.Распутин.

Может быть, это надо молодым? Но, боюсь, их уже убедили, что героизм в деле защиты Родины — удел балбесов, А. Матросоз — юный несмышленыш, Н.Кузпецов — выдумка чекистов ч т.д..

Вы недоумеваете — очередной брюзга...Нет! Я до последних дней своих буду верить в светлое предназначение человека на земле и всеми силами этому способствовать.

В начале войны мне было 14 лет. Через год удалось добровольцем попасть на фронт. Иной задачи, чем убить хоть одного фашиста, в тот период перед собой не ставил. По причине, от меня не зависящей, задачу перевыполнил.

Мне думается, что войны, которые вела и будет вести наша страна, обусловлены ее богатством и безответственностью руководителей перед народом. Когда бездуховность возводится в ранг государственной политики, ничего хорошего ждать не приходится. История России знала времена и покруче, но благодаря мудрости правителей уходила от войн, и Россия процветала.

В первых числах июля 1942 года, после падения Ростова, наши войска покатили через Армавир, где мы жили. Прибавив себе пару лет, попросился у командира отходящей части быть зачисленным в нее, и стал солдатом пехоты.

Вначале мне доверили противотанковое ружье, но при первом же выстреле отшиб ключицу, и на этом завершилась мечта подбить танк.

С 20 июля по 1 сентября 1942 года бежал вместе со всеми до Кавказского хребта. Хаос, паника, беспредел заградительных отрядов — самое страшное на войне. С 5 октября по 1 января 1943 года — рядовой 761—го СП 317—й СД, участвовал в оборонительных боях в районе г. Орджоникидзе. Здесь судьба свела меня с отцом, тоже солдатом, ранее призванным на фронт. А 1 января 1943 года началась наступательная операция Северо—Кавказского фронта. Погнали фашистов назад, настроение—"на ясно". Будучи солдатом пехоты, на всю жизнь запомнил концерты в исполнении "Ванюши" — 8—ствольного немецкого миномета. В период с июля 1942 года по май 1943 года самой распространенной "литературой", с которой встречался в окопах, были немецкие листовки.

В январе 1943 года наш батальон, будучи в авангарде, попал в танковую засаду немцев под ст. Новоалександровской. В этом краткотечном бою, будучи раненным, попал в плен отец. Вследствие предательства санитарки нашей роты 18 коммунистов и командиров были расстреляны, в их числе и отец. Подошедшие основные силы дивизии освободили Новоалександровскую. Отцу повезло вторично: получив порцию свинца в ноги, он остался жить для дальнейших мучений. Отца я не искал, так как видел, как танки "утюжили" их роту. Но мы уже были на марше.

Следующая встреча с отцом состоялась через 3 года. За это время его подлечили до состояния, чтобы можно было определить в свой концлагерь "за сдачу в плен". Лихие были СМЕРШевцы и трибунальцы! Но и тут отцу повезло. Эта братия докопалась, что в соседней роте воевал сын—доброволец. Версия не склеивалась. Амнистия — невинным.

После этой трагедии в составе 317-й СД с боями

дошли до Тамани. К этому времени был освобожден Ростов, и кавказская группировка немцев оказалась в котле, прижатой к Черному и Азовскому морям по линии Новороссийск — Крымская — Приморско — Ахтарск. В летопись войны эта линия обороны вошла под названием "Голубой линии". Немцы, власовцы и прочая нечисть с упорством обреченных дрались за каждый метр земли. Фронт встал, обе стороны стали зарываться, потянулись кровопролитные бои. Чтобы отвлечь с немецкой передовой силы и средства, нарушить ее коммуникации, командование фронта сформировало несколько отрядов особого назначения с последующей их заброской в тыл. Отряды формировались на добровольной основе. В один из них попал и я.

В первых числах марта 1943 года ночью на рыбацких шхунах по лиманам нас доставили в р-н ст. Курганской, вблизи г. Темрюка. Высадили в камышах. В то же утро отряд атаковал и полностью уничтожил небольшой гарнизон немцев. Мы отошли к камышам, попытались окопаться, но ячейки тут же заполнялись водой. Через некоторое время, после артналета, немцы пошли в атаку, но, понеся потери, вернулись на исходные рубежи. Через 30-40 минут на низкой высоте прошла "рама", а еще через 20-30 минут появились 13 пикирующих бомбардировщиков. Бомбили как им хотелось, средств ПВО - никаких. Пришлось занимать ячейки, хоть и неуютно пребывать в ледяной воде. Ну, а затем — тот же сценарий: артналет, пехота, откат, авиация. Время, казалось, остановилось. В этот день отбили шесть атак. Потеряли до 40 человек. С наступлением темноты отошли в камыши. Немцы за нами не последовали. Командир решил перебазировать отряд в другой район, на это ушла вся ночь. Переход усложнялся тем, что лед в камышах был слабым, постоянно проваливался, и двигались мы в ледяной воде. В новом районе действия остались прежними.

Через трое суток запасы боеприпасов и продовольствия подошли к концу. Командир по радио сообщил руководству, но первый же вездесущий "У-2" был сбит "Мессершмиттом". Перешли на вооружение и боеприпасы с убитых. С продуктами питания у немцев, чувствовалось,

было не густо. Кроме спирта во флягах, других запасов не водилось. Перешли на сыроедение, благо после бомбежки всплывало много рыбы, которая и была источником жизни на протяжении остальных 40 суток. Конечно, будь соль да возможность сварить судачка, как бы облегчилось наше бытие. Но, увы, — ни того, ни другого. Но самое страшное в плавнях наступает после бомбежки, когда оказавшихся в воде солдат зажимало сходящимися льдинами.

Полтора месяца нечеловеческих усилий. Под постоянным давлением пехоты и авиации метался отряд по Приазовским плавням. Не ведаю о численных потерях немцев, но наши знаю точно. Из 244 человек нашего отряда вернулось 72 дистрофика. Большинство из тех, кто остался в плавнях навсегда, погибли от ран и переохлаждения.

Наряду с этим запомнилось и другое. За весь рейд, несмотря на неимоверные трудности, я ни разу не слышал нытья и не видел чьей—нибудь растерянности. Всеми владело какое—то необъяснимое чувство высочайшей ответственности, а пример мужества и уверенности всегда был рядом— командир отряда капитан Мельников. Не напрасно нас и в дальнейшем именовали "мельниковцами". После рейда капитан Мельников был представлен к Герою, а каждый из нас— к различным орденам.

Не знаю, кто и что получил реально, так как уже 15 мая 1943 г. при прорыве "Голубой линии" был ранен и попал в госпиталь.

После излечения был направлен на учебу на шофера. В 1943 году стал военным водителем, а в 1946 году закончил военное автомобильное училище, получил звание офицера. С 1946 по 1951 гг. служил в войсках, одновременно восполнив то, что отняла война — 10—детнее образование.



Николай Илларионович ЛЕБЕДЕВ,

профессор

огда было объявлено о войне, я только что закончил 9 классов в г. Воскресенске Московской области. 21 июля была первая бомбежка г. Москвы. Из Воскресенска были отчетливо видны разрывы зенитных снарядов, сполохи от пожаров и разрывов бомб. В конце июля над нашим городом появился первый немецкий самолет, сбросивший первую бомбу, были первые жертвы и разрушения. В середине сентября - новый налет, новая бомбежка. В доме, где я жил, выбило все стекла. Утром 5 ноября 1941 года, в морозный солнечный день, когда я вместе с другими ребятами работал на оборонительных сооружениях на берегу Москвы-реки, состоялся сильный воздушный налет на узловую железнодорожную станцию Воскресенск. К этому времени на железнодорожных путях скопились эшелоны с боеприпасами, воинским снаряжением, бензином и продовольствием. В результате бомбежки станция и прилегающая территория пылали, взрывались боеприпасы, цистерны с горючим. Обстреляли и нас, работавших на строительстве оборонительных сооружений. В ночь с 5 на 6 ноября налет повторился.

Примерно в октябре в районе началось формирование истребительных батальонов для борьбы с немецкими диверсантами. В состав одного такого батальона были включены и ученики десятого класса нашей школы.

Вот так для меня началась война.

Я, как и все граждане, достигшие 17 лет и имеющие бронь от военной службы, проходил подготовку по 110часовой программе под руководством работников Воскресенского райвоенкомата. В предвоенные годы большой популярностью среди молодежи пользовались занятия по изучению стрелкового оружия, по противохимической и санитарной подготовке. Иметь значки "Ворошиловский стрелок", "ГТО", "Готов к ПВХО", "ГСО" было очень престижно и почетно. Тогда их носили так, как, к сожалению

сейчас не носят боевых орденов.

Моя воинская специальность от начала до конца связист. Окончил войну в звании старшего сержанта и должности помощника командира взвода.

Во время войны довелось служить в составе войск Западного, Брянского, 1-го и 2-го Белорусского и 3-го Прибалтийского фронтов. Наша часть (вначале 444-й Отдельный дивизион связи РГК, а затем 32-й Отдельный Ламжинский Ордена Кутузова III степени полк связи РГК) перебрасывалась с одного фронта на другой, когда намечались крупные наступательные операции. Так было при освобождении Смоленска, Орши, Минска, Вильнюса. при взятии Варшавы, Познани, Кенигсберга.

Служба мне запомнилась прежде всего как тяжелая, прододжающаяся много дней работа. Мне и моим товарищам довелось восстанавливать связь в городах Козельске, Орле, Смоленске, Минске, Орше и др.. Часто это приходилось делать под бомбежкой.

Поражали освобождаемые практически полностью разрушенные города. Особенно запомнились Смоленск, Минск и Варшава. В Минске, например, целыми остались только Дом Правительства, Дом связи, кирха и построенное немцами казино. Через 6 дней после освобождения города был очень сильный ночной налет немецкой авиации, в результате которого были разрушены дома уцелевшего жилого массива в районе железнодорожного вокзала. В 1965 году мне снова довелось быть в Минске. Я был поражен тем, как быстро был восстановлен город и каким красивым он стал. Целый день я ходил по всем памятным для меня местам, где мы с моими товарищами восстанавливали городскую связь, где скрывались от бомбежек.

Со временем пережитое меняет свою окраску. То, что ранее было трудным, забывается; опасное для жизни часто вспоминается с улыбкой. Отчетливо помнится лишь все хорошее: солдатское братство, сердечные взаимоотношения с сослуживцами, готовность делиться с товарищами последним. Запомнился добрый, трудолюбивый, отзывчивый непокоренный народ Белоруссии, где мне довелось довольно долго служить.

А тяжелее всего на войне, на мой взгляд, приходилось девушкам: связисткам, зенитчицам, санитаркам, медсестрам - вот они настоящие герои!

ЛЕСТЕХОВЦЫ - ПОБЕДЕ

Всегда были рядом с нами, среди нас и политруки. Вместе с нами испытывая те же трудности и лишения, они были требовательными, но добрыми советчиками и внимательными слушателями; прежде всего к ним солдат обращался со своими нуждами. Единственное, чего они не умели, - ныты

Сейчас частенько интересуются отношением фронтовиков к СМЕРШевцам . О работниках СМЕРШа мне говорить трудно: их работа не была видна, они всегда были как бы в тени. Думаю, однако, что большинство из них были честными людьми и добросовестно выполняли свой долг.

Во время войны бывало всякое: до начала 1945 года размещаться чаще всего приходилось в лесу, в шалашах и землянках, иногда в домах сельских жителей. Продвигались по территории с разрушенными и сожженными селами, деревнями и городами. Нужно было видеть, что фашисты сделали с Орлом, Смоленском, Оршей, Минском, Варшавой, другими городами, чтобы понять, что такое война, что такое фашизм. В 1945 году наша часть располагалась на территории Прибалтийских республик, Польши, Германии. Там разрушения были значительно меньше. Отдельные населенные пункты от войны практически не пострадали. Соответствую щими здесь были и условия размещения солдат.

Питание в нашей части было хоть и недостаточное, но регулярное. Есть же хотелось постоянно. Ведь нужно учесть,

что большинство из нас были молодыми людьми.

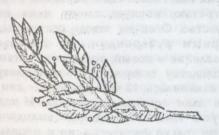
Отношение к гражданскому населению в основном было сострадательным. Мы видели, в каком положении оказались женщины с малыми детьми на руках, часто проживающие в примитивных условиях, без одежды и обуви, без достаточного питания. Как можно было относиться к ним: ведь каждый из нас видел в них свою мать, своих младших сестер и братьев. Но, несмотря на ужасающие условия, население было готово отдать последнее: ведь эти женщины видели в нас своих мужей, сыновей, братьев!

К Советскому Правительству и Главнокомандующему, на мой взгляд, относились с доверием даже в то время, когда Красная Армия терпела поражения и отступала. Нашей части длительное время пришлось действовать в составе войск, которыми командовал К.К.Рокоссовский. Это был кумир солдат, всеобщий любимец. О нем "солдатский беспроволочный телеграф" слагал мыслимые и немыслимые

Должен сказать, что И.В.Сталин пользовался большим легенды! уважением. Во многих современных фильмах о войне Сталина стараются показать в негативном, а иногда и карикатурном виде. Лукавят (я уж не знаю, умышленно или по незнанию!) многие современные "историки". При всем прочем, что мы знаем о Сталине сейчас, роль его в победе велика, и ее не следовало бы принижать.

Война для меня закончилась в 4 часа утра 9 мая 1945 года. Было это в Польше, в г. Лодзь. После окончания войны я до июня 1947 г. служил в составе Северной группы войск. Туда по моей просьбе родственники прислали учебники по математике и физике, и я в свободное от службы время занимался (правда, с очень большими трудностями), надеясь после демобилизации поступить в вуз. Об этом я мечтал с первого дня своего призыва в армию в 1942 г..

После демобилизации вернулся в родной дом полный надежд на лучшее, в приподнятом настроении, считая, что мне все по плечу, что могу сделать все. Жизнь в стране была хотя и трудной, но с каждым днем заметно улучшалась. Мне было 23 года, и впереди была большая жизнь с радостями, тревогами и надеждами, впереди был вуз.



suffer to Plantage out in account and their Николай Александрович МАЛЬЦЕВ, профессор

🖊 дя меня война началась в понедельник, 23 июня 1941 г.. В этот день я приступил к работе по производству тяжелых 120-миллиметровых мин. Накануне войны я получил квалификацию токаря и начал самостоятельную работу. После второй смены (с субботы на воскресенье 22 июня) поехал к матери в деревню (12 км от г. Мурома). От станции Навашино шел ранним утром, когда природа благоухала: цвели травы, пели птицы. Это вызывало приподнятое настроение. Я подбрасывал вверх кепку и от души пел любимую песню: "Ах ты душечка, красна девица". Придя в отчий дом, вскоре заснул беспробудным сном. Меня разбудила мать и сообщила: "Сынок, началась война! На нас напала Германия". Сразу возникла тревога за брата Александра, находящегося на стажировке под Тернополем после окончания школы связи в г. Киеве. На посланные в воинскую часть запросы получили известие о том, что он пропал без вести.

В то время был только один выходной - воскресенье. 23 июня в третью, ночную, смену меня не покидало тревожное чувство. Огни на заводе потушены, окна цеха закрыты черным рубероидом. От начальника цеха получил направление в новый, только что организованный, цех по производству тяжелых 120-миллиметровых мин. Жизнь круто изменилась; 12 часов работа - сон - 12 часов работа - сон плюс военная подготовка. И так вплоть до середины августа 1942 г. без единого выходного дня. Это было тяжело не только физически, но и морально, так как враг приближался к Москве и чувство душевной тревоги нарастало. Но сознание того, что из твоих рук каждую смену выходит более ста штук продукции, которая помогает громить врага, поднимало силы и дух.

В августе 1942 г. я был призван в ряды Красной

Армии; после окончания в марте 1943 г. школы артиллерийской инструментальной разведки (г. Бронницы, Московский военный округ) мне было присвоено звание сержанта. В конце марта был сформирован 630-й Отдельный армейский разведывательный артиллерийский дивизион (ОАРАД), в котором я был назначен командиром отделения взвода оптической разведки и комсоргом дивизиона. После соответствующей военной подготовки подразделений 630 - го ОАРАД в июле 1943 г. был направлен на Степной фронт (бои под Орлом). Спустя год наш дивизион был преобразован в Разведывательный артиллерийский дивизион и придан 160-й Армейской пушечной артиллерийской бригаде. Наш дивизион участвовал в боях в составе 2-го и 3-го Украинских фронтов и прошел путь Орел - Белгород - Харьков - Бендеры - Румыния -Болгария - Югославия - Венгрия - Австрия.

В задачу взвода оптической разведки входили засечка и определение координат огневых точек противника, расположенных на передовой линии его обороны и ее глубине. Эти данные успешно использовались артиллеристами и минометчиками, особенно при прорыве обороны

врага во время наступлений.

Три наблюдательных пункта нашего взвода, как правило, располагались на возвышенных местах (высотки, курганы, деревья, под крышей дома и т. п.), а нередко и непосредственно на передовой линии вместе с пехотой. Но быть пехотинцем на войне не довелось. Вряд ли есть что - то опаснее и страшнее, чем идти в атаку в пехотной цепи, когда противник открывает ураганный минометный и пулеметный огонь. В таких условиях только случай может спасти тебя от гибели. Самое удачное - отделаться ранением. На фронтовой дороге и у нас, артиллерийских разведчиков, было много опасностей для жизни. Но, к счастью, потери солдатских жизней были редки.

Какие события на фронте запомянлись? Их множество. Одни из них вызывали чувство радости и гордости за нашу армию, когда она одерживала победу за победой, освобождая нашу землю от врагов. Другие события связаны с личными поступками, чувствами и переживаниями в трудные и опасные для жизни минуты и часы. MARTE THERMALL STOR THOUSE NAMES TORAGE THE STORY 31

Самым тяжелым для меня и всего нашего взвода был первый день пребывания на фронте, когда шли упорные бои под Орлом. Под натиском наших войск враг, отступая, сжигал деревни; части нашей армии подвергались непрерывным бомбежкам с воздуха. Нашему взводу предстояло развернуться в боевой порядок на передовой линии нашей пехоты. Однако в дер. Собакино, где мы остановились на короткое время, чтобы осмотреться на местности и выбрать места для трех НП, взвод до наступления темноты не смог развернуться из - за бомбежек в течение всего светового дня. Весь день мы лежали в воронках от бомб; страшно было видеть и слышать падающие прямо на тебя воющие бомбы. Этот ужас настолько потрясал нервы и угнетал душу, что молодые необстрелянные солдаты даже потеряли аппетит, хотя и были голодны. Создавалось впечатление, что живым на войне остаться невозможно.

С наступлением темноты взвод, ориентируясь по карте, шел на места своих НП, натыкаясь на трупы и слушая вой пролетающих снарядов и мин. Это еще больше усиляло душевное напряжение и тревогу. За ночь взвод развернулся, а с рассветом был дан отбой: дивизион переводился на Курскую дугу, где уже завершались бои. Вскоре после освобождения Белгорода наш ВЗОР развернулся на подступах к г. Харькову. Мой первый НП подвергался сильному орудийному и минометному обстрелу. Но страх первого дня пребывания на фронте постепенно отступал. Появилось и ощущение первой боевой радости и гордости за то, что ты не бесполезен, что и ты можешь вносить свою лепту в победу. Так, артиллерийский налет, проведенный по установленным нашими наблюдениями координатам, вызвал взрывы и пожар, которые продолжались длительное время (это оказался склад боеприпасов врага).

Со временем мы стали понимать, как важно соблюдать то, чему нас учили: не выбирать место НП вблизи заметных ориентиров (стог сена, отдельное дерево, тригоно — метрический пункт и т. д.). Нарушение этого правила только по чистой случайности могло избавить нас от гибели. Так, например, было при форсировании Днепра в районе села Мишурин Рог, где мы заняли НП около стога сена. В первое же утро, как только вышел солдат Коля Шашкин, чтобы

приготовить обед, враг начал пристрелку. До взятия НП в вилку, как называют артиллеристы недолет-перелет, голдаты отделения по моему приказу успели покинуть НП и спуститься в овраг. Затем последовал шквал огня; снаряды рвались рядом, я задыхался от вонючей пороховой гари, метался по извилистой входной траншее и ждал своего смертного мига. Удивительно, но провод связи сохранился целым, и я успел попрощаться с командиром взвода ст. лейтенантом И.И.Исаевым (из Донбасса, бывшим шахтером, побывавшим под завалом). Вскоре, к моему счастью, огонь прекратился. Это и спасло меня, но не избавило меня и моих сослуживцев от его повторения. Выход был один переменить место НП, что и было сделано с разрешения комдива. Спустя день - другой во время утреннего тумана я пошел на место прежнего НП и увидел прямое попадание. Не перейди мы на другое место, смерть всего отделения была бы неминуема.

Много разных опасностей для жизни подстерегало солдат на фронтовых дорогах, но это не мешало им иметь высокое чувство ответственности перед своими друзьями—товарищами, малой и большой Родиной. Глубокая убежденность в правоте нашего дела и победе над врагом рождала массовый героизм и подвиг, т. е. такие действия человека при решении боевых задач в особо опасных итяжелых условиях, которые требовали мужества, упорства и готовности к самопожертвованию. В жизни моего поколения, когда господствовала идеология коллективизма, взаимной помощи и выручки, это явление было воистину массовым как на военном, так и на трудовом фронтах.

Мы, фронтовики, включившиеся в действующую армию с лета 1943 г., к кадровым военным и политрукам относились с уважением. Мы верили в их высокий профессионализм. Это не значит, что мы не видели ошибок нашего командного состава. Были ошибки, я не говорю о стратегических: мне они с НП не были видны. Но частные тактические ошибки мы видели. Так, например, глубокой осенью 1943 г. под Лозовиткой (район Кривого Рога) противник имел эшелонированную оборону на склоне большой горы. Наш взвод, наблюдая, засек многие огневые точки противника, координаты которых были переданы в штаб дивизиона и,

очевидно, в штаб армии. Вдруг в одно раннее утро недалеко от нашего НП в лощинке остановилась танковая рота. На наш вопрос, зачем они здесь, танкисты ответили, что получили приказ взять высоту. Мы удивились и предупредили их, что без предварительной артиллерийской или авиационной обработки обороны врага приказа не выполнить. Так и произошло: к вечеру танкисты проходили мимо нас, оставив свои подбитые танки у подножия горы.

...Вспоминаются приятные встречи с народом и воинами Югославии. Народ встречал нас хлебом—солью. Проходя какую—либо деревню, со многих сторон мы слышали возглас: "Братушки, дойди до кучи!". Хозяин вел в подвал и просил выбрать "старо или младо вино", хозяйка жарила яичницу. Делалось все это ими искренне, от чистой славянской души. С югославскими воинами мы вместе форсировали Дунай, вначале держали оборону, а затем шли в наступление. Я очень полюбил гордый, честный и трудолюбивый югославский народ. Моя дружба с югославами продолжалась и после войны, во время и после учебы в г. Москве. Поэтому с большой болью воспринимаю то, что произошло и происходит сейчас в бывшей Югославии.

Вспоминая фронтовой быт, хочу отметить, что голодать нам почти не пришлось. Продукты, сухой паек, как правило, выдавались своевременно, за исключением периодов распутицы, когда на два-три дня задерживался подвоз продуктов. В такие дни солдаты находили картофель, а нередко и муку в опустевших деревнях, иногда забивали тяжелораненых лошадей и ели конину. Правда, горячую пищу днем не всегда было можно приготовить, и часто обходились сухим пайком. Жильем для нас зимой служила землянка, а летом - окоп. Лишь во время длительных переходов во время наступления иногда ночевали в крестьянских и городских домах. Очень редко удавалось самим устроить "баню", помыться горячей водой и прожарить белье, чтобы избавиться от известных насекомых, которые нас очень донимали. При нашем дивизионе имелась медчасть, которая при необходимости оказывала нам медицинскую помощь. Нельзя не вспомнить и о том, чем занимались и как чувствовали себя солдаты в периоды боевого затишья, когда долгие недели находились в обороне.

В такие дни в землянках и окопах солдаты пели песни, вспоминали довоенные мирные дни, писали письма родным, заочно знакомились с девушками, обменивались с ними письмами и тем поддерживали и тешили свои молодые

8 мая 1945 г. наш взвод получил приказ сняться с занимаемых позиций и направиться в другое место. Вечером, проходя через какое — то селение, я зашел в дом, чтобы напиться воды. Там оказались наши радисты, которые и сообщили мне о капитуляции Германии. Так для меня закончилась война. Отпраздновав Победу, наша 160—я дрмейская пушечная артбригада вскоре разместилась в бывших эссесовских казармах в г. Граце (Австрия), а в конце июля 1945 г. переехала в г. Крайово (Румыния), войдя в состав Южной группы войск.

В июле 1946 г., пролежав в госпиталях более 8 месяцев, по состоянию здоровья я был демобилизован и снят с воинского учета. Вскоре стал работать воспитателем интерната советской семилетней школы (г. Бриилов, Румыния). В конце апреля 1948 г. приехал на свою малую Родину в г. Муром Владимирской области.

Завершая свои короткие воспоминания о войне, хочу сказать, что мое поколение много сделало для Отечества. Думается, что с главным, что на нашу долю выпало, мы справились: освободили свою родную землю от немецкофашистских захватчиков, подняли ее из руин и пепла, достигли высокого уровня отечественной науки, искусства, культуры, поднялись в космос. Одно гложет и бередит души, думаю, большинства моего поколения — это то, что нет теперь той страны — СССР, где мы родились, выросли и за которую воевали.

Утрата СССР для меня и многих таких, как я, горька и печальна. Свыкнуться с этой утратой нашим сердцам тяжело и вряд ли возможно. Но жизнь продолжается, и я думаю и надеюсь, что наш российский народ в новых условиях общественного развития сохранит и умножит все ценное, что имелось в нашем прошлом.



Анатолий Кузьмич МЕЛЬНИКОВ, доцент

ачало войны застало меня в Брянской области, в деревне Пушкари. Мой отец, командир запаса, сразу же ушел в армию (погиб в 1943 году). Мать и четверо моих братьев и сестер остались в деревне. Уже в июле 1941 года мы своими глазами увидели и на себе испытали войну. Почти ежедневно приходилось наблюдать, как наши краснозвездные самолеты иногда в одиночку героически сражались с тремя и более самолетами противника. Хотя фашисты нагло издевались в разбрасываемых листовках: "Летчики верные, а самолеты фанерные", но наши истребители часто выходили победителями. И действительно, большинство наших самолетов были сделаны из многослойной фанеры. Она пропитывалась огнестойким составом и делала самолеты более легкими и маневренными. Это, конечно, был успех наших ученых, поскольку алюминиевая промышленность у нас была развита слабо, а в Германии это производство было давно налажено.

В сентябре 1941 года наша местность уже была оккупирована фашистскими войсками. В период оккупации я на себе испытал, что такое "немецкий рай". Поскольку мой отец был командиром Красной Армий и это вскоре стало известно немцам, имущество нашей семьи было конфисковано и мы взяты под особый надзор немцев. Чтобы не умереть с голода, я пас скот жителей деревни. Нас со старшей сестрой часто посылали на принудительные работы - очищать от снега автомобильную и железную дороги. И здесь я становился свидетелем того, как немецкие охранняки и их прислужники из Польши и Венгрии издевались над работающими. Оккупационные власти принудительно забирали у жителей деревни скот и зерно, многие в деревне голодали, трудно было достать даже соль

(о сахаре никто и не мечтал).

Когда мне исполнилось 16 лет, сразу заставили оформить "аусвайс" и дважды пытались увезти на каторжные работы в Германию. Дважды я убегал от мобилизации и скрывался у родственников в другом районе. Последний раз я бежал прямо из вагона, благодаря тому что наши самолеты подвергли бомбежке железнодорожную станцию, где стоял эшелон, и в суматохе мы, несколько подростков, сумели выскочить из вагона. Прятались в оврагах и рощах до прихода наших войск. Это было страшное и тяжелое для нас, мальчишек, время.

При отступлении немецкие войска проявляли еще большую жестокость. Везде на мотоциклах рыскали каратели и творили расправу. Весь скот или птицу, которую не могли угнать с собой, расстреливали, а людей тоже либо забирали с собой, либо убивали. Жилые и нежилые строения сжигались, а вместе с ними - все мосты и даже небольшие виадуки на шоссейных дорогах. С помощью специальных крюков, прикрепленных к паровозу, ломали шпалы, сгибали в баранку рельсы. Фашисты оставляли после себя "мертвую зону".

Я непосредственно принял участие в войне в конце сентября 1943 года. При подходе передовых частей наших войск мы с товарищами, с которыми прятались от немцев в оврагах, взялись провести их по глухим дорогам в тыл противника. Так я оказался в действующей армии. Сначала это была разпедрота 26-й Гвардейской стрелковой дивизии, но так как мне не было еще и 17 лет и разведчики нас оберегали, жалели, то по ходатайству командира разведки нас перевели в роту автоматчиков. Такие роты были в каждом полку, они специально создавались и обучались для участия в танковых прорывах. Я попал в 75-й гвардейский стрелковый полк 26-й Гвардейской стрелковой дивизии 11 - й Гвардейской армии, которая воевала спачала в составе Брянского, а затем Прибалтийского и 3-го Белорусского фронгов.

вскоре я принял участие в наступлении войск в Витебском направлении. Наша дивизия штурмовала сильно укрепленный узел сопротивления немцев райцентр Городок, лежащий между Невелем и Витебском. Бои носили весьма ожесточенный характер. Немцам помогала сырая погода и изрезанная многочисленными реками и озерами местность. Здесь противник сосредоточил большое количество техники и артиллерии. Но, несмотря на это, ненависть к врагу и беспримерный героизм наших солдат и офицеров, а также активное содействие местных партизан позволили преодолеть непреодолимое.

Мне запомнился штурм Городка. Нам, в основном молодым 17—, 18—, 19—летним солдатам, приходилось в ноябре форсировать водные преграды. Никто не жаловался и не стонал. Правда, сразу после боя нам давали возможность обогреться и сменить одежду. Но сильнее всего согревало желание как можно быстрее освободить русскую землю. Здесь я впервые понял, что может перенести молодой человеческий организм в экстремальных условиях.

При взятии Городка я получил первое ранение, но оно было легким, и я быстро излечился в фронтовом госпитале. За участие в этой операции получил первую боевую награду — медаль "За боевые заслуги", а наша дивизия получила наименование "Городокской".

Оборонительные бои на пути в центральные районы Белоруссии продолжались почти до конца июня 1944 года. Они носили характер боев за улучшение позиций, прощупывания сил врага, уничтожения артиллерийских огневых позиций, захвата вражеских "языков" и т.д..

В апреле 1944 года наша рота автоматчиков должна была поддержать разведку боем, которую осуществляли дивизионная разведка и штрафной батальон из ранее судимых уголовников — убийц, которым заменили 10—15 лет строгого режима штрафной ротой. Помню, перед боем они похвалялись, что на гражданке они уже убивали и им не страшен никакой бой. А когда немцы бросили в контратаку несколько танков и автоматчиков на бронетранспортерах, эти профессиональные убийцы испугались за свои шкуры и не жилезли из траншен. Как говорится, "молодец среди овем, а на молодца и сам овца".

К атаке их никто так и не принудил, и после этого позорного боя их отправили обратно на Колыму. Пришлось нам, простым смертным, выручать наших разведчиков. Здесь я стал свидетелем необычайного мужества и находчивости одного молодого разведчика. Он был ранен и, сильно хромая, отходил в нашу сторону. И тут вражеский бронетранспортер бросился ему наперерез. Поравнявшись с ним, из кузова бронетранспортера высунулся дюжий фриц и, схватив его за ворот, хотел забросить в кузов в качестве "языка". Но разведчик, держа в руках последнюю гранату с выдернутой чекой, поднятый до уровня борта машины, сумел ударить по голове немца и бросить гранату в кузов. Бронетранспортер, проскочив на большой скорости метров 15-20, взорвался вместе с находившимися в кузове солдатами, а разведчик остался жив. В моем понимании это был героический поступок. Суть подобных деяний состоит в том, чтобы суметь в экстремальных условиях напрячь все свои физические и духовные силы и, преодолев страх, совершить то, что кажется невозможным. И такие поступки наши солдаты совершали на фронте часто. Даже преодоление жизненных невзгод, особенно в зимнее, осеннее и весеннее время, было на грани подвига. В наступлении еще можно было обогреться, хотя практически все встечавшиеся города и селения были разрушены. А в обороне было очень трудно приспособиться, поскольку траншей, как правило, были вырыты в чистом поле, а во время дождя или оттепели наполнялись водой. Правда, перенесенные лишения нас закалили, да к тому же труженики тыла делали все, чтобы армия была хорошо одета, обута, вооружена и накормлена. Страна ничего не жалела для своей армии, фронтовиков просто боготворили.

В 1944 году я участвовал в наступлении против немецко—фашистских войск группы армий "Центр". Эта группа армий удерживала Белоруссию, прикрывала подступы к Польше и Восточной Пруссии, обеспечивала устойчивое положение фашистских войск в Прибалтике. Эта немецкая группировка включала в себя 3 общевойсковые и танковую армию: Они опирались на глубокоэшело—

и получила название "Фатерланд" (Отечество), тем самым немецкое командование подчеркивало, что, сражаясь здесь, немецкая армия якобы защищает свою родину. Общая глубина подготовленной обороны составляла 250—270 км. Гитлер издал особый приказ, в котором объявил все крупные города Белоруссии "укрепленными районами" и требовал оборонять их любой ценой. Они были превращены в мощные узлы обороны, не считаясь с населением, историческими памятниками и сохранностью зданий и сооружений.

Против немецкой группировки в Белоруссии действовали 4 советских фронта: 1—й Прибалтийский и 1—й, 2—й и 3—й Белорусские. По количеству стрелковых и кавалерийских дивизий советские войска превосходили немцев в 3 раза, по танкам и самоходным установкам — в 4,3 раза, по авиации — в 4,5 раза, но, несмотря на такое превосходство, предстояли жестокие сражения. Поэтому, начиная с января 1944 года, нас тщательно готовили к прорыву. На специально оборудованных укреплениях тренировали солдат, учили их блокировать и уничтожать доты, форсировать водные преграды и многим другим солдатским хитростям. Ко дню прорыва все было отработано до мелочей.

Огромную помощь в период наступления оказывали белорусские партизаны: они наносили удары по важнейшим коммуникациям врага, захватывали мосты на реках и старались их удерживать до подхода наших войск.

Освободив Белоруссию, наши войска начали освобождение литовской земли. По дороге я вновь увидел страшную картину разрушений, оставленную фашистскими войсками. Вместо городов и поселков лежали груды битого кирпича, на месте деревень лишь одиноко торчали печные трубы. Оставшиеся в живых люди страшно голодали. Пока я из госпиталя добрался до своей части, раздал по дороге детям весь хлеб и сахар, который получил в качестве пайка.

Последним крупным водным рубежом на подступах к Восточной Пруссии был Неман; до границ оставалось не более 80 км, поэтому бои были особенно ожесточенными.

Во время боев на Неманском берегу со мной приключился эпизод, о котором в народе говорят: "и смешно, и грешно". Возле города Алитус Неман был широким и бурным. Так как мост оказался взорванным, то нам пришлось переправляться на подручных средствах. Кто использовал бревна, кто вязанку сухого хвороста. Я нашел обломки досок и 2 бревна и связал их в плотик. Погрузив на него ручной пулемет и два запасных диска к нему, я поплыл к противоположному берегу. По совету старшины - сибиряка я пристегнулся к бревну солдатским ремнем. Сначала все шло хорошо, но на середине реки, где было бурное течение да еще противник стал обстреливать нас из пушек, мой самодельный плотик перевернулся и я оказался вниз головой. Хорошо, что мне удалось расстегнуть ремень и отделаться от бревна, а то, как посмеивались разведчики, так бы и приплыл к немцам с поднятыми вверх ногами. Но все окончилось благополучно.

Граница Восточной Пруссии! Три с лишним года мечтал увидеть ее советский солдат; и в тяжелую порукровопролитных боев у стен Ленинграда, и в тревожные дни под Москвой, и в дни защиты Волжской твердыни он верил, что этот день придет. И вот мы вышли на границу с Германией... Позади годы невиданных испытаний, а впереди еще предстояли жестокие сражения, но, окрыленные победами, мы уверенно готовились к вторжению в фашистское логово.

Полтора месяца тщательных учений в 10—15 км от линии фронта. Будучи на наблюдательном пункте полка, и впервые близко увидел нашего командующего фронтом генерала армии дважды Героя Советского Союза И.Д. Черняховского. Он приехал посмотреть, как готовятся части нашей дивизии к прорыву обороны на границе Восточной Пруссии. Недовольный медленным преодолением учебных оборонительных полос ротами нашего цолка, он приказал отвести солдат на беседу с членом военного совета генералом В.Е. Макаровым, а сам взял в руки ручной пулемет и начал обучать офицеров полка, как быстро выскочить из траншеи и преодолеть первую полосу обороны. Даже мы, разведчики,

тогда не знали всех трудностей в организации вражеской обороны. А командующий фронтом знал, потому так строго спращивал за ход подготовки к ее прорыву.

Многополосная оборона восточно—прусского плацдарма представляла из себя укрепленные районы с большим числом долговременных огневых точек и сооружений крепостного типа, прикрытых с востока противотанковыми препятствиями, мощными железоб—етонными "зубами дракона", что сочеталось с приспособленными к обороне многочисленными каменными постройками. Земли каждого хутора были огорожены колючей проволокой и окружены сточными канавами 3—4—метровой ширины. Вот такие укрепления нам пришлось преодолевать в наступлении на Восточную Пруссию, которое началось на рассвете 17 октября 1944 года. В этих боях я был тяжело контужен и отправлен в тыл.

Домой вернулся только в июле 1946 года инвалидом. Но несмотря на все трудности, которые мне пришлось испытать в жизни, я счастлив, что дожил до замечательного праздника — 50—летия Победы в Великой Отечественной войне. Молодежи хочется пожелать, чтобы, несмотря ни на какие невзгоды, крепко любили свою Родину и берегли ее как самое святое.



Я ПОМНЮ КАК СЕЙЧАС

Хоть много лет легло с тех пор Морщинками у глаз, Один давнишний разговор Я помню, как сейчас...

Орловско—Курская дуга. Июль с его жарой. Отбиты натиски врага. Вперед уходит бой.

В воронке — пушка. "Тигр" горит. Чуть приоткрывши люк, В наушники мне говорит Водитель Кирилюк:

"Ты видишь, Толя, за рекой Село — рукой подать. Быть может, Киев мы с тобой Вот так же будем брать.

Ведь там мой дом, родная дверь, Детишки и жена. И что же с ними там теперь Наделала война?"

И так взглянул он мне в глаза,
Так понял я его,
Что на щеке моей слеза
Зажглась, как у него.

"Мы будем там!",— мой друг сказал, Прижав рычаг к груди, И кинул танк туда, где вал Огня был впереди.

подвоз боепринасов в вооружения Телько самося оржения

PORTSCERN TRYA BO CARBY BRANCO FOREIT ROL

Лев Иванович НИКИТИН,

профессор

Война для меня началась в 1939 году, когда я был мобилизован по Указу Президиума Верховного Совета для оказания братской помощи Польше, Литве, Латвии и Эстонии; в это время велись переговоры с Германией.

В 1939—1940 гг. участвовал в войне с Финляндией, где получил военную закалку. В январе 1941 года был демобилизован по состоянию здоровья. В годы войны работал старшим инженером в отделе механизации Главного управления военно—восстановительных работ (ГУВВР), которое занималось военно—восстановительными работами на всех направлениях фронтов. Восстанавливали железные дороги, мосты, железнодорожную связь, водо—снабжение (для паровозов). Отдельные железнодорожные части заготавливали лес для восстановления железных дорог и мостов.

За 1943—1946 годы мной были даны рацпредложения по изготовлению остродефицитных деталей и по ремонту двигателей импортных автомашин и тракторов, написаны инструкции по их эксплуатации. В 1944 году составлен и издан справочник по эксплуатации и ремонту импортных и отечественных автомашин.

О самоотверженном труде воинов — железнодо — рожников хочется сказать особо.

Перерезав все железнодорожные магистрали, веду щие в Москву с севера, запада и юга, гитлеровцы принимали все меры, чтобы дезорганизовать работу транспорта, воспрепятствовать переброске войск, сорвать додвоз боеприпасов и вооружения. Только самоотверженный труд под непрерывным интенсивным огнем врага, героический труд во славу Великой Родины воинов железнодорожников обеспечил бесперебойную работу железных дорог. Когда 6 декабря 1941 года наши войска перешли под Москвой в наступление и гитлеровские полчища бросились вспять, в этом была большая заслуга и воинов - железнодорожников. Обслуживая железнодорож ные пути, быстро ликвидируя разрушения, воиныжелезнодорожники спасали от огня составы с боеприпасами, оружием и одновременно отражали атаки врага с оружием в руках. На первом этапе борьбы с гитлеровскими захватчиками железнодорожные войска выполнили грандиозного масштаба работу по заграждению путей наступления озверелого врага. Они самоотверженно защищали и отстаивали каждую станцию, каждый железнодорожный мост, каждый узел. Впоследствии их подвиг был оценен по заслугам. Только 1 июня 1944 года 11312 воинов - железнодорожников были награждены правительственными наградами. Двадцати шести генералам, офицерам, сержантам и бойцам присвоено высокое звание Героев Социалистического Труда.

Чудеса героизма проявляли железнодорожники в битве за Сталинград. Под огнем врага днем и ночью, не прекращая ни на час своего движения, шли эшелоны с войсками, техникой, оружием, продовольствием на помощь героическому Сталинграду. Их путь охраняли железнодорожники.

Когда войска доблестной Красной Армии перешли в наступление по всему фронту, на воинов—железнодорож—ников легли еще большие задачи. Отступая, враг производил чудовищные разрушения. Он уничтожал мосты, которые строились годами напряженного труда, он разрушал пути, станционные здания, водоснабжение, связь. Там, где некогда напряженно кипела жизнь транспорта, после отступления немецких разбойников оставались груды развалин и коварно расставленные мины—ловушки.

Но и в этот период воины — железнодорожники не отрывались от наступающих частей. Они почти впритык вели магистрали, и фронт получал практически все необходимое для победы.

Оценивая боевую деятельность железнодорожных

AECTEXOBUM - NOBEAE

Ambit Agor Itel nederna & agreX rough Tunena войск, выдающийся советский полководец генерал Ватутин писал: "Мостовики и путейцы... успешно справились с выполнением задания командования в период отечественных боев на левобережной Украине и завоевали Переходящее Красное Знамя Государственного Комитета Обороны. В фантастически короткий срок мостовики связали сталью правый берег Днепра с левым, оказав этим огромную поддержку доблестным пехотинцам, танкистам, артиллеристам...".

Нужно отметить, что невиданные в истории темпы восстановления транспортных путей явились результатом как напряженного труда воинов - восстановителей, так и высокого мастерства и развития творческой рационализаторской мысли.

Немеркнущей славой увенчали себя отважные воины - железнодорожники Ленинградского фронта. В условиях жестокой вражеской блокады на них возлагались серьезные и ответственные задачи. По приказу Военного Совета Ленинградского фронта создавалась железнодорожная переправа через Ладожское озеро. Топкие болота, торфянники, огромные камни-валуны стояли на пути строителей. Стройку непрерывно бомбили вражеские самолеты. Люди работали по пояс в холодной воде, корчевали пни, копали водостоки, стаскивали камни, отсыпали полотно. Работа шла днем и ночью. На западном и восточном берегах Ладожского озера нужно было построить сложные гидротехнические сооружения - мощные пирсы. На Ладоге свирепствовали штормы, бущующее озеро часто срывало то, что создавалось ценой нечеловеческих усилий, опрокидывало ряжи и далеко уносило их от берега, но люди, борясь со штормом, продолжали строить переправу.

Ко Дню железнодорожника в 1944 году было введено в строй 35000 км главных путей, свыше 250 станций и разъездов, более 5500 мостов и труб общей длиной 170 км. востановлено 250 000 км связи и большой объем аругих железнодорожных сооружений. Почти все железнодорожные линии, освобожденные от немецко-фашистских захватчиков, были открыты для движения, и поезда по ним бесперебойно шли к фронту.

На успешный ход военно-восстановительных работ железнодорожного транспорта большое влияние оказало своевременное и качественное обеспечение работ проектными материалами, поскольку довоенные типовые проекты во многих случаях оказывались непригодными. Учитывая дефицитность таких материалов, как кирпич, метам, новые проекты ориентировались на такое более доступное сырье, как дерево. По пролетным строениям был разработан целый ряд проектов из дерева. Для восстановления двух мостов протяженностью 2000 м требовалось забить 3500 свай, изготовить и смонтировать 1300 т металлоконструкций, переработать 32 000 кубометров лесоматериалов, проделать сложные монтажные Техопольского падплерый была перерустична, не работы.

При отступлении немецкие захватчики превратили в груды развалин более 80% общего количества больших и средних мостов. За период войны были восстановлены мосты через такие реки, как Дон, Северный Донец, Днепр, Днестр, Буг, Прут, Западная Двина и др., причем в 1941-43 гг. было восстановлено 133 моста, в 1943 — 546 мостов, а за первую половину 1944 - 356 мостов. На их восстановление было переработано около 3 млн. кубометров овой живийот высередатильный серьи древесины.

** Такова была героическая эпопея воиновжелезнодорожников в годы Великой Отечественной войны, в которой мне пришлось принимать участие, и за что в ноябре 1944 года я был награжден знаком "Отличный восстановитель", а в 1945 году - медалью "За Победу над Германией в Великой Отечественной войне".



Александр Петрович НОСОВ, профессор

о время войны я был агитатором 267 - й стрелковой дивизии. В моей памяти особенно запечатлелись бои за освобождение Крыма и Прибалтики. Пройдя с боями всю Запорожскую и Днепропетровскую области, наша 267-я СД 63-го корпуса под командованием полковника (впоследствии Маршала Советского Союза) П.К.Кошевого с Никопольского плацдарма была переброшена на Крымское а направление.

23 февраля 1944 года мы подошли к берегам озера Сиваш. Помню, дул сильный морской ветер, было сыро и

д зябко, а укрыться было негде.

В течение двух недель проходило пополнение бойцами, большая часть которых была еще не обстреляна. Нам, х пропагандистам политотдела дивизии, приходилось по ве нескольку раз в день в траншеях, а иногда и на открытом месте проводить беседы с бойцами. Новому пополнению мы рассказывали об истории 51-й армии, ее героических сражениях за Сталинград, Донбасс, Мелитополь. Большое место в своих беседах и лекциях мы уделяли истории, рассказывали о разгроме Врангеля в Крыму в 1920 г., лереправе через Сиваш. Под конец лекции превращались в задушевные беседы. Особенно много вопросов задавали те бойцы, которые находились на оккупированной территории. Их интересовало все, поскольку фашистская пропаганда постаралась извратить правду о нашей стране. Нам приходилось беседовать и с местными жителями, и они были крайне удивлены, что советские офицеры носят погоны и что они вообще существуют, так как немцы внушили им мысль, что советские офицеры все перебиты, а имеются только американские и английские офицеры, а солдаты -русские.

13 марта был отдан приказ о ночной переправе через Сиваш на другой берег Крыма. Во вновь проведенных беседах мы особое внимание обращали на соблюдение строжайшей дисциплины, абсолютной тишины при переправе, проявление быстроты и находчивости. В случае бомбежки - прыгать в воду, рассредотачиваться и продвигаться вперед.

Ровно в 12 часов ночи мы с политработниками и командиром первые ступили на подготовленный саперами мост. Шли тихо и быстро, шаги четкие, плавные. Соленая вода местами перекатывала через гибкий шатающийся мост. Сто, двести, пятьсот метров... Будто не идем, а плывем по Сивашу на бревенчатом плоту. Неожиданно появились осветительные ракеты. Они висели над мостом на парашютах словно люстры. Но нам некогда было останавливаться и расстреливать их, поскольку нельзя было себя обнаруживать. Немцы открыли огонь, фугасные бомбы падали в воду, обдавая нас брызгами. Мы прибавили шаг. Наконец - крымская земля. К 2 часам ночи переправился весь полк, а к утру уже окопался. На следующую ночь переправились и другие полки нашей дивизии, а потом и весь 63-й корпус.

Занятый нами плацдарм хорошо простреливался немцами. Обсушиться и обогреться было негде. От дождя и осколков снарядов нас спасали только "лисьи норы".

которые мы стали прорывать в стенах околов. Но особенно запечатлелось в памяти то большое стихийное бедствие, которое обрушилось на нашу армию 28 марта 1944 года. Утром подул холодный ветер, а затем пошел мокрый снег, точнее вода со снегом. Небывалое явление. За четыре дня выпал снег толщиной 1 метр и сверху покрылся плотной коркой. Под этим снегом оказалась и наша и немецкая армия. Прекратилась связь с Большой землей, прервалась доставка продуктов, начал погибать конский состав. Благо, к концу четвертого дня буря стала стихать. Мы стали откапывать траншеи. Тем же занимались и немцы. Несмотря на то, что противники находились в 30 - 40 метрах друг от друга, огонь никто не открывал. Да и

стрелять-то было нечем, поскольку все боеприпасы находились под снегом.

Вырвавшись из плена стихии и пользуясь тем, что пушки перестали стрелять, а самолеты - бомбить, мы вновь взялись за лекции и беседы. Рассказывали об истории Крыма, его несметных богатствах, о солнечных Ялте, Алупке, · Гурзуфе, где бывал А.С. Пушкин, о великом сражении эскадры Нахимова, разгромившей в 1854 - 1855 гг. турецкую эскадру в Синопе. Эти беседы вдохноваяли бойцов, приободряли, придавали сил.

Я всегда понимал, что прочесть лекцию - это только часть труда. А вот насколько твой труд станет действенным, с какой силой, мужеством, убежденностью будут бороться воины в предстоящем бою, и есть весь смысл и оправданность затраченных лектором усилий. Но настоящая победа достигается не только словами, но и личным примером. Фронтовой лектор не мог не быть участником боя. Он должен был вести людей за собой, поднимать, когда надо, в атаку, стойко сдерживать в обороне натиск врага.

Воскрешая забытую десятилетиями лекторскую работу военных лет, хочется привести пример подготовки к проведению бесед и инструктажа агитаторов и партийного актива полка перед прорывом обороны врага в Крыму на Каранкинском направлении и при штурме Севастополя. Как провести инструктаж, чтобы воодушевить воина, сделать его дерзновеннее в битве с врагом и тем самым добиться выполнения задачи выйти победителем из сражения? Нашел в "Правде" материал, рассказывающий о том, как, согласно инструкции Верховного командования вооруженных сил Германии, фашисты клеймили военнопленных, как клеймят скотину. Начал свою беседу с этой инструкции, зачитал ее. Беседа заняла по времени минут 25. Проводил я ее с подъемом, свободно, эмоционально. На побагровевших лицах слушателей появился гнев. Признаюсь, не ожидал, что моя беседа вызовет такое возмущение и даже станет причиной митинга в окопе. Выступавшие поклялись отомстить за это немцам. Я был взволнован не менее, чем солдаты.

На следующее утро со своими слушателями я пошел в

атаку, которая была проведена успешно. И в ней я, пожалуй, впервые ощутил убедительность своих слов и силу окопного митинга. Задачей 848-го полка, с которым я шел в атаку, было овладеть деревней Каранки. Когда артиллерия перенесла огонь в глубь позиций противника, мы вместе с бойцами с призывом "За Советский Крымі" рванулись в атаку. Необходимо было как можно быстрее пробежать 30-40 метров до первой траншеи противника. Затрещали пулеметы и автоматы, многие тут же падали замертво, но ничто уже не могло остановить наш напор. Еще пятнадцать, десять, пять метров... какими длинными они показалиь нам. Наконец мы достигли немецкой траншен, началась рукопашная схватка. На помощь просачивались все новые и новые наши штурмовые отряды из других батальонов и полков. Тогда коварный враг взорвал сооруженную им плотину, и в траншеи хлынула вода, затапливая и наших солдат, и немцев. Но и это уже не останавливало наших воинов. Мы неудержимо рвались вперед. Солдаты и офицеры не жалели крови и сил, чтобы выполнить приказ Главнокомандующего Вооруженных Сил СССР об очищении Крыма. И эта задача была с честью выполнена.



Андрей Абрамович Пижурин, академик

Несколько слов из довоенной автобиографии

Родился я 5 декабря 1927 г. в маленьком поселке (из 8 домов) Коммунар, что в Брянской области (Рогнединский район, Иловицкий сельсовет). По инициативе моего отца поселок был рожден в начале 30-х годов как коммуна, которая затем переросла в колхоз, впоследствии объединенный с колхозом "Красная искра". Нас было 4 детей - старшая дочь Зина и три сына: я, Петр и младший Ваня. Я был вторым ребенком. Жили до войны мы очень и очень бедно. Впервые я вдоволь наелся хлеба, когда в 1941 г. собрали очень богатый урожай, но это было так кратковременно и промчалось, как во сне. Рос я очень слабым, болезненным. Много меня возили по врачам. Характером был настойчив, не по годам взросл. Мне всегда хотелось вести за собой ребят. Так как физически я был слаб, то ко мне до школы ребята не льнули. А вот в школе я стал вожаком, быстро завоевал уважение. Учился я только на "отлично" и помогал всем ребятам. Так же отлично я учился в техникуме и институте. Всегда был активен на общественной работе.

В колхозе с ранней весны до поздней осени работали все дети школьного возраста. Я пас телят, коров, и затем доверили мне с моим сверстником Васей Пыриковым пасти лошадей. Когда к нам в Коммунар по инициативе моего дяди, председателя колхоза Алексея Ивановича Пижурина, перевели пасеку из 100 ульев, я стал работать пчеловодом. Работа мне очень понравилась. Я любил организованность и "ум" пчел, как мне тогда казалось. Это продолжалось до прихода немцев. Мужчины ушли на фронт. Нужно было

косить траву, убирать сено и отменный урожай. Физически с колхозными делами справляться мне было очень трудно. Поэтому я увлекся техникой. Попросил у бригадира колхоза лошадь и двух ребят и поехал собирать всякую технику, заброшенную в колхозах, на запасные части для сеялок, молотилок, косилок, жаток и конных граблей. Так мною было восстановлено все это хозяйство. Теперь косил, сгребал, жал на этой технике только сам. Я был счастлив, а руководство колхоза довольно мной. Когда грянула война, дядя Алексей в тот же день пошел на фронт. Я отвез его на колхозном чалом жеребце на сборный пункт Рогнедино. Он дал мне ряд указаний, как настоящему мужчине.

Примерно 9 — 11 июля 1941 г. Захар Дерюгин, которого не взяли на фронт, пригласил нас, нескольких мальчишек, поехать за 20 км заготовить и привезти бревна для ремонтахаты, которая совсем перекосилась и осела в землю. Всю ночь мы валили деревья, укладывали их по два хлыста на подводы, а затем поехали обратно. Когда стало всходить солнце и потеплело, я крепко заснул после бессонной почи. Разбудили нас сначала разрывы бомб и шум двигателей, и мы увидели первых немецких стервятников, которые сбрасывали бомбы на Сещенский аэродром, находившийся в 9 км от нашей деревни. Вот тогда я своим детским умом понял, что пачалась очень жестокая война.

Первые дни войны

Наша армия быстро откатывалась с Запада и уже 9 августа немцы заняли Сещу, а 11 — 13 — Рогнединский район. При отступлении нашей армии было много раненых, и ночами, когда не летала над головами немецкая авиация, я с младшим, 12—летним, братом Петром, отвозил раненых в Рогнедино, а часто и дальше, до переправы через реку Габыо, приток Десны.

В конце августа 1941 г. на Сещенский аэродром, где базировались 300 немецких самолетов, налетели наши бомбардировщики в сопровождении истребителей первых выпусков типа ЯК. В это время мы со своими матерями

убирали скошенный ячмень.

Перед заходом солнца от Иловицы к оврату стал быстро снижаться наш ЯК. Овраг он перетянул и унал в небольшой березовый лесок. Летчик сумел посадить самолет без шасси. Однако перед посадкой он уже отстегнулся и открыл верхний люк. При приземлении самолет плоскостью задел за большое дерево, и его развернуло на 1800. Очевидно, перед этим летчик хотел выпрыгнуть с парашнотом, но не успел, и при развороте самолета летчика, Степана Макаровича Мальцева, выбросило из кабины (в настоящее время он живет в Харькове и ведет со мной переписку). Все мы наблюдали за падением самолета и ждали взрыва, но взрыва не было. Я немедленно развернул свою фуру (снопы свалились), позвал Василия Пырикова и на своей лошадке Ласточке помчался к самолету. Женщины кричали, чтобы мы вернулись, но в это время уже мчались на поиск нашего летчика на мотоциклах немцы, и медлить было нельзя. Я соскочил с фуры, а Василий удерживал горячую Ласточку.

Подбежав к самолету, я увидел скорчившегося на земле летчика. Первым делом обшарил его карманы, забрал пистолет и партбилет, а затем прослушал сердце, оно работало. Я закричал Василию, чтобы разворачивал фуру, и мы помчались к женщинам, среди которых была и моя мать Ксения. Летчика положили на фуру, отвезли в лесок, прочистили и перевязали рану на лбу, и он пришел в себя. Ночью по его указаниям мы забрали из самолета планшет и шинель, а самолет замаскировали нарубленными березами. то есть "посадили" их густо-густо. На следующее утро искать немцам самолет было уже бесполезно. Поиск его немцы в конце концов прекратили. Вскоре из самолета я забрал все пулеметные ленты. Патроны были с трассирующими, зажигательными и бронебойными пулями. которыми нам впоследствии не раз приходилось пользоваться и наблюдать, как они поджигают повозки отступающих полицаев и немцев. Летчика мы прятали до мая 1942 г., пока не представилась возможность отправить его на Большую HIN AMEGE OTE S MR SHAT BOX SYTHE землю.

Когда отступали наши солдаты, оставалось много оружия и гранат, наших и немецких. Мы с моим братом Петром и В.Пыриковым собирали все это и сбрасывали в заброшенный колодец в овраге за баней.

20 сентября 1941 г. в Рославльский концлагерь попал, а через 10 дней бежал из него младший брат моего отца Алексей. Я ему обо всем рассказал. Оружие у нас было, в том числе пулемет Деттярева и винтовки СВТ. И дядя Алексей стал создавать отряд партизан. В марте 1942 г. наш отряд соединился с Рогнединским отрядом, которым командовал Солдатенко, а комиссаром был 2—й секретарь Рогнединского РК партии Симохин.

Наш отряд (около 60 человек) был превращен в заградительный и оставлен в поселке Коммунар, а в 1,5 км от нас в селе Коханово стояли пемцы. До 24 июня 1942 г. Рогнединский район был советским, но в июне 1942 г. немцы стянули большие силы и предприняли вместе с полицейскими и власовцами большое паступление. Коммунар подвергли авиационному, артиллерийскому, минометному и пулеметному обстрелу, а затем сожгли его. В этом бою несколько партизан погибли, в том числе зам. командира Казович. Мы лишились жилья, одежды и пищи. С тех пор нашего Коммунара больше не существует, там сейчас растет

В момент наступления немцев я с дядей Колей Никишовым находился на наблюдательном посту. Вместе с ним мы попали под ураганный минометный и пулеметный обстрел, вместе бежали в лес к Рогпедино, теряя последние силы. От мины, разорвавшейся рядом с нами, он подхватил еще горячую головку, сказав при этом, что наша смерть не справилась с нами, значит, мы еще повоюем.

Мы с ним вновь встретились в сентябре 1942 г. в отряде им. Чапаева, которым командовал в то время капитан артиллерии Федор Семенович Данченков. К нему привел нас, небольшую группу, Алексей Иванович Пижурин. Данченков приказал Никишову принять нас в свое отделение

как близких друзей. С первых же дней я приступил к выполнению его заданий.

В тылу врага

Моя миссия состояла в походах в Сещу, Дубровку, Рославль, в деревни вокруг Сещи и Дубровки с тем, чтобы переправлять листовки, передавать и получать сведения от наших разведчиков, распространять партизанскую газету и сводки Совинформбюро.

На следующее утро я познакомился с новыми людьми: командиром батальона Ханиным, который произвел на меня впечатление холеного барина (что потом и подтвердилось); чудесным, добрым, спокойным и мужественным человеком А.Зенковым, который в то время командовал взводом. Мне очень понравился командир боевой разведки Сергей Виноградов. Он был смелым, гордым и в то же время душевным и обаятельным человеком, особенно близким нам, подросткам, которых в разведке было немало. Вот к кому меня потянуло всей душой.

Со временем мне довелось познакомиться поближе с командиром отряда Ф.С. Данченковым. Он покорил меня своей военной выправкой. Да, это был настоящий военный, командир! (До той поры я имел дело с гражданскими людьми). Он был строг, спокоен, тверд в решениях, хотя и говорил вполголоса, хорошо воспитан и вдумчив. Такое впечатление он произвел на меня с первых же дней. И комиссар И.К. Гайдуков был также военным человеком, честным, хозяином своего слова, хорошим агитатором и оратором.

Как я потом увидел, Данченкову все доверялись без остатка, любили его и верили в его правильные решения. Это особенно чувствовалось во время больших "гонок". Напоминал он мне моих строгих, на справедливых учителей, к которым я всегда относился с большим уважением.

Вскоре после нашего прибытия в отряд, Данченков дал команду идти подрывать мост через реку Деспу между станциями Алсуфьево и Риковичи. Желающих пойти было

много. Я долго переживал, что нас, подростков, Данченков брать с собой запретил.

В то время с Большой земли прилетел майор Галюга, который был назначен командиром дивизии, создаваемой на базе нескольких отрядов. Он пытался разбить в деревне Пеклино немецкий гарнизон с целью освобождения военнопленных, но не справился с этим заданием. Почему, я знал только понаслышке. До конца разобраться в этом деле я не мог.

В момент наступления на Пеклино вернулся с Большой земли командир нашего отряда Данченков и привез приказ об отмене предшествующего приказа штаба партизанского движения СССР по созданию дивизии, что и поставило все на свои места. Все были рады возвращению командира, на душе посветлело. Ходили слухи, что, еще будучи в Москве, Данченков передал по рации, что вместо дивизии будет создано 5 Клетнянских партизанских бригад, из которых 1 я Клетнянская создается на базе отряда им. Чапаева. Командиром бригады назначен Ф.С. Данченков, комиссаром И.К. Гайдуков, начальником штаба — Г.А. Антонов. Так оно и случилось. Это произошло 15 октября 1942 года.

Первые мои походы в разведку были связаны с деревнями Бельской, Деньгубовкой, Сещей, Дубровкой, Федоровкой. В последней стоял сильно укрепленный гарнизон немцев, в котором погибло несколько наших разведчиков, поэтому туда могли пройти только мы, подростки, с сумками в качестве нищих – попрошаек или родственников наших агентов.

В Бельской я зашел к матери лейтенанта — подпольщика К.Поворова Марфе Григорьевне. Она накормила меня и расспросила, чей я мальчик. Оказалось, что она знала монх деда и бабушку, а также моего отца и его братьев и сестер, сказала, что я похож на дядю Алексея. В отряд возвращаться она мне не советовала, так как в это время немцы подготовили большую операцию по уничтожению партизан. У нее оставаться мне было нельзя. Поэтому, по ее рекомендации, я пошел в Сещу к Бурмистрову, который как - то был связан с немцами, но наших не предавал, а

безопасность была обеспечена Я нашел Бурмистрова и просил его помочь мне добраться до деревни Афонино. Однако он, не говоря о причине, категорически настаивал не делать этого в данное время. Очевидно, он знал о карателях. Он помнил моего отца и, особенно, его брата Парфена Ивановича, с которым работал до войны, и посоветовал зайти к Блохиным. Чтобы зайти в их хату, нужно было не подниматься по ступенькам, а наоборот, спускаться. Окна хаты врастали в землю. Но в ней было безопасно. Немцы даже не считали нужным заходить в эту хатенку. Мне показалось, что кроме печки и столика сюда ничего нельзя вместить. Старики-хозяева приняли меня хорошо. Они также знали моих родителей. Зажгли фитилек. Чем Бог дал, по их выражению, покормили меня, уложили на лавке. Мне было здесь спокойно, но, как только погасили свет, заели клопы и блохи (вшей хватало и своих). На следующий день я хотел пойти в деревню Афонино, чтобы там узнать, как и где искать наших. Блохин сходил в Сещу и выяснил, что пройти невозможно, немцы закопошились вовсю. Так на неделю я отдал свое хилое тело на съедение черным, белым и красным паразитам. Я был весь в красных пятнах, в том числе и на руках. Старым маршрутом я вернулся в отряд. Немцев уже не было, разгромить партизан им не удалось.

Не помню, один или два дня я отдыхал, только теперь мне нужно было идти в разведку по деревням Федоровка, Гремучка, Дубровка, Студенец. Последняя находилась от шоссе Брянск — Рославль в 300 — 500 м. В этой деревне я и пробыл 2 дня у старушки, носил ей воду, рубил хворост и колол дрова... и непрерывно наблюдал за дорогой, подсчитывая, сколько и какой транспорт прошел по ней. После этого я вернулся в свой лагерь.

В первых числах марта 1943 г. Алексея Пижурина назначили командиром 5—й роты. Это я запомнил, так как 8 марта под его руководством мы пошли на операцию. На этот раз комбриг не вмешался, и со взрослыми пошли мы, трое подростков. Была поставлена задача взорвать мосты: 1—й—на повороте из Сещи на Дубровку, 2—й— в деревне

Давидчи и 3-й — на реке Сеще (на шоссе Рославль -Брянск).

Командир военной разведки Сергей Виноградов, с которым мы пошли на эту операцию, и его ребята напоминали мне настоящих бойцов — разведчиков типа Метелицы в "Разгроме" и других, о которых я любил читать. Все думал, как бы перейти к ним. Сергей обещал помочь.

В этот день два моста были нами взорваны, а вот стретьим что — то не получилось. А на следующий день погибли у деревни Чипич при выполнении задания наши чудесные резведчики и их замечательный, командир Сергей, виноградов.

До мая 1943 года я продолжал ходить в разведку. Весной 1943 года часть агентурной разведки в Дубровке и Сеще была уничтожена немцами, и мне пришлось (правда, не в одиночку) искать новых преданных людей и создавать новые явки.

После очередного возвращения с задания я попросил Никишова перевести меня в батальон дяди Алексея к своим ребятам. Он спросил: "Что, Пижуренок, надоело бродяжничать, соскучился по своим коммунарским друзьям?" Мы вместе с ним пошли к Алексею, который принял в штыки мою просьбу. Он сказал: "Что, я здесь буду создавать батальон родственников? А если и приму, то только при одном условии, что Андрей будет образцом и я не услышу о нем ни одного замечания". Никишов сказал, что он с комбригом уже договорился и за меня ручается. В батальоне Пижурина уже была моя сестра Зина, раненная осколком в щеку. Кроме того, она сильно обморозила ноги (долго лежала в снегу). Ее хотели отправить на Большую землю, но она категорически отказалась, вместс разведки стала заниматься хозяйственными делами.

Так я попал в 8-ю роту Яблокова, во второй взвод, которым командовал А.Моисеенков. Кроме меня, в батальоне было еще песколько "подростков", как называло нас командование: Среди них в хозотделении вместе с Г.Шведовым пас лошадей и ездил на хозоперации Смирнов, два пария, Коля, которого звали маленьким", хотя он был круппее меня, и Витя, было несколько подростков в боевых

взводах. Где сейчас эти товарищи, я так я не знаю. Только одного из них, полковника А.И. Ильенкова, я встретил в Дубровке спустя 40 лет. В то время был он очень шустрым парнем.

Самая тяжелая "гонка" немцев за нами

Наступал тяжелый период для всех партизан брянских лесов. Немцы готовили глобальную операцию по их уничтожению, начиная от Пинских болот и кончая линией фронта — Орловско — Курской дугой.

В бригаде ходили разные слухи. Каждый воспринимал их по-своему. В связи с этим хочу вспомнить одного незаметного, очень скромного партизана К.Антошина, над которым насмехался каждый, кому только не лень. Все называли его Костик. Он родился в 1912 году. До войны в армию не брали.

К весне 1943 года он ходил в растрепанных ботинках почти без подошв, ботинки он обмотал тряпками. Вот и говорят ему ребята: "Костик, ты не сможешь удрать от немцев, зацепишься за первый куст. Поэтому иди лучше в какую—либо деревню и найди себе вдовушку, а там поправишься, обуешься, оденешься и вернешься к нам, когда с карателями будет покончено". Я никогда не думал, что этот человек способен вообще возмущаться. Он был так взбешен этими советами, что до сих пор я чувствую взрыв его негодования.

Этим я хотел показать, как много скрыто в душе простого русского человека, даже самого незаметного, а как велик и могуч этот добрый русский мужик. Недаром говорил Суворов: "...О русские, вы богатыри, вы победили".

Я счастлив, что мне пришлось набираться сил и мужества среди замечательных командиров и бойцов 1—й Клетнянской бригады. Они ковали мою волю к преодолению невзгод и препятствий, которые стояли на пути. Теперь я не чувствовал себя одиноким. Это была уже более интересная жизнь, когда чувствуешь локоть старшего боевого товарища.

Перед самым наступлением карателей из—за предательства старшего лейтенанта, который пришел к нам

из Дубровки (кажется из полиции), мы сменили место дислокации. В это время командир 7—й роты Бутмин передал большое количество первоклассной самогонки, которую отняли наши партизаны у полицаев. Не помню подробностей, знаю только, что три наших комбата Яшин, Романов, Пижурин и их политруки и командиры рот (правда, не все) выпили эту самогонку, т.е. устроили коллективную пьянку. Об этом тут же узнал комбриг Данченков и комиссар Гайдуков. Какой был разговор в штабе бригады, я не знаю, но видел, какими они возвращались из штаба бригады. Комбриг и комиссар не выносили нарушения режима военного времени. Во всяком случае, больше таких сборищ у нас не было.

В этот же день была дана команда к отступлению в южные леса. Всю ночь мы шли пешком и, изнемогая, к утру попали в Борятинский лес. Немецкие самолеты упорно преследовали нас. На пасущихся лошадей они сбросили большую бомбу, от которой пострадал и один из пари й, потерявший глаз. Вечером 17 и 18 мая мы снова двипулись в поход, так как со всех сторон были окружены немцами, идущими по нашим следам. Перешли реку Надву и вошли в южные леса. Преследуемые немецкими самолетами, вошли в Мухинские леса, где немцы устроили нам ловушку. Но командование бригады разгадало их намерения, и вечером была дана команда покинуть Мухинский лес. Снова переправа через Надву. Как же тряслись мы от холода после переправы! Это было самое противное время, спет растаял, и вода была страшно холодной. Как мы не заболели, непонятно. Голодные, зуб на зуб не попадает, нервы натянуты как струна, одолевает страх... При переходе большака в районе деревень Лозовка и Ольшанка чуть не попали в засаду. Но немцы выдали себя, когда переходили через большак. Комбат остановил нас, пропустил немцев, и мы пошли вдоль большака и потом перешли его. Так мы добрались до деревень Бочары и Набат. От деревень остались только названия да разваленные печи от домов. В деревне Набат было несколько землянок. Не успели мы отдохнуть, как со стороны деревни Бочары послышались пулеметные очереди. Заняли оборону, а одна из рот немедленно направилась в Бочары.

В этом бою немцев сильно поколотили, забрали трофеи (в том числе около 40 велосипедов). Партизаны обулись в немецкую обувь. А утром вновь разразилась пулеметная стрельба, и на нас пошли каратели. Через некоторое время в нашу роту с небольшой группой партизан прибыл комбат. Он подоспел вовремя. Немцы быстро овладели деревней и выбили нас с кладбища. Они упорно лезли на нас, атаки были яростные, но мы отбивали одну за другой. Одна из атак немцев была ужасной. Перейдя мост, они двинулись на нас во весь рост, причем развернулись и шли как на параде. Комбат приказал по цепи без его команды не стрелять. Когда немцы подошли к нам на расстояние 10-20 метров, заработал наш пулемет, и мы повели ураганный огонь. Немцы падали и бежали по лугу и через речку. Мы поднялись и в азарте бросились за ними, но не успели мы добежать до речки, как послышалась команда: "Назад! Занять оборону на прежних местах!" Только мы добрались до опушки леса, как вторая цепь немцев двинулась на нас, застрочили их пулеметы, застучали минометы, но мы уже были укрыты большими стволами деревьев. Немцы яростно лезли, и мы думали, что теперь они сомнут нас. И вот немцы уже у самого нашего носа, затих их пулемет, и тут снова команда: "Огонь" Ну и косили мы их и снова бежали за ними. (В это время погиб хороший и боевой мальчик, 16-летний Миша из деревни Деньгубовки, где его и похоронили). Немцы растерялись. В районе кладбища стоял их командир, к которому они непрерывно бегали с докладами. Не помню кто, но его сразили. И тут же в отместку на нас обрушился шквал шестиствольного миномета, и вновь возобновилась немецкая атака, еще более яростная. Одновременно с нашего тыла застрочили пулеметы, но часть наших товарищей открыла там ответный огонь, что заставило фашистов убраться. Это было настоящее сражение с блестяще вооруженными и значительно превосходившими силами противника. Вот что значило на практике вести справедливую войну за слезы наших матерей! Немцы увезли с поля боя

несколько машин раненых и убитых, а наши потери — один подросток и один трус, командир взвода А. Моисеенков, покинувший поле боя, да два шпиона из бывших военнопленных, которые были мобилизованы нашей бригадой.

Бой затих, за нами была победа, но как потом выяснилось, мы были блокированы немцами со всех сторон, а лесок был невелик. Фашистские самолеты (правда, один был сбит нашим пулеметчиком) начали сбрасывать зажигательные бомбы, светящиеся бочки и все, что только было можно, чтобы посеять у нас панику. Есть нам было нечего, ночь прошла в страшном кошмаре, мы в ловушке, бригада наша ушла, патроны на исходе, нервы как струны. Была дана команда уходить в Малиновский лес, но куда бы мы ни совались, везде — многочисленные каратели.

Лишь через неделю с трудом, малыми группами пробились мы в расположение бригады. Радость этой встречи нельзя передать словами. Сколько было восклицаний, воплей и слез радости. "Теперь, ребята, я верю, что вы будете бить немцев до полной победы, — сказал комбриг. — А пока отдыхайте".

Так что жили мы не у бога за пазухой, хотя комбриг и комиссар старались всячески уберечь нас, но обстоятельства военного времени — штука крайне серьезная и сложная, и поэтому наших ребят косили пули, и попадали они живыми в руки врагов, беспощадных, жестоких и крайне лживых и коварных. Сколько они бросали листовок, в которых гарантировали жизнь и свободу тем, кто добровольно перейдет к ним. Но те, кто не выдерживал наших кошмаров и уходил с этими листовками, немедленно уничтожались ими. Фронт был повсюду, и спасение было в нашем оружии, в умении и мастерстве командования с наименьшими потерями папести наибольшее поражение противнику, вовремя выйти из боя и не вступать в бой, когда это неразумно.

Вскоре после больших "гонок" комбриг принял решение создать два полка. Наш бывший третий батальон стал называться отдельным батальоном, которым до

ЛЕСТЕХОВЦЫ - ПОБЕДЕ

соединения с Красной Армией командовал Пижурин Алексей Иванович. Лето 1943 года доживало свои последние дни. Положение нашей бригады становилось все более прочным. Авторитет бригады среди населения был велик. Даже начали слагать легенды вперемежку с правдой о наших боевых командирах и комиссарах.

20 августа стало ясно, что предстоит бой с немцами в селе Жарынь Рославльского района Смоленской области. Вечером 31 августа вышли на исходные позиции и часам к 11 вечера заняли их. Нам достался штаб и склады, а также три улицы села. В ожидании команды мы лежали, казалось, целую вечность. Рано утром вывели нас на исходные позиции, мы лежали в роще вдоль реки. Только, кажется, часов в 12 или начале первого ночи мы быстро проскочили через плотину, и завязался бой. Все кипело и горело, далеко было видно зарево. Немецкий штаб также горел ярким пламенем. А отважный разведчик Шутов из горящего здания забрал автоматы и большой мешок документов. Пылали склады с бензином, автомашины, бочки с бензином при взрывах летели высоко в воздух. Немцы были в ужасной панике. Однако сопротивление их было страшным. Поэтому нельзя сказать о Жарыньской операции, что она была легкой. Скорее это была победа ума командования нашей бригады и прежде всего комбрига Ф.С. Данченкова.

Немного нам пришлось побыть вместе с бригадой. Поступила команда идти в направлении деревни Набат. Теперь мы ожили, были хорошо накормлены, и на вооружение жаловаться не приходилось. У нас было несколько орудий, ПТР, пулеметы и почти у всех автоматы. Не успели мы расположиться на новом месте, как получили команду готовиться к бою. На нас двигалась большая колонна немцев, у которых на вооружении были пушки, минометы и большое количество пулеметов.

Мы с командиром роты Яблоковым расположились у самой опушки леса эсэле деревни Набат. Немцы приближались к нам, и перед самой опушкой леса, перейдя речонку, вперед пошла пехота, а пушки и минометы стали вести массированный огонь. Поступил приказ вести огонь

по немцам только в упор, с близкого расстояния. Очевидно, они были пьяные: мы их расстреливаем, а они идут одна волна за другой. Заработала и наша артиллерия. Немцы кричали: "Рус, сдавайся", а мы в ярости им отвечали, чтобы они сами сдавались. Напряжение было велико, нашу роту немцы чуть не смяли.

Весь день мы не покидали позиций, вели тяжелый бой, весь день во рту не было ни капли воды, ни крошки хлеба. Наше счастье, что комбриг дал команду второму полку напасть на хвост колонне немцев. Это еще раз продемонстрировало хорошую военную подготовку комбрига. Ведь мы вели бой с головы колонны.

Введение в бой второго полка было спасением для нас. В этом бою было взято много пленных, пулеметов и продовольствия. В этом же бою был тяжело ранен разрывной пулей такой же подросток, как и я. Сколько ни пытался спасти его наш фельдшер Терещенко, все же он вскоре умер. Все меньше и меньше оставалось в бригаде подростков, несмотря на то, что комбриг всегда говорил нашим командирам, чтобы они берегли молодых ребят.

23 сентября 1943 года мы соединились с 50 — й армией Болдина, после чего в Дубровке стали расформировывать партизан. Многие ушли на фронт, часть партизан пошла работать в советские и другие организации, многие из них — по специальности. Я понял, что мне здесь делать нечего, так как мне не было еще и 16 лет. Я запряг комбриговского буланого жеребца в хорошую фуру и поехал "соединяться" со своей матерью и двумя братьями (моя сестра уехала чуть раньше).

В результате боевых действий нашей 1—й Клетнянской партизанской бригады взорвано и пущено под откос 125 эшелонов, 1165 вагонов, уничтожено 86 паровозав, подорвано 574 автомашины, уничтожено 22 самолета, захвачено 233 велосипеда, уничтожено 2 станционных сооружения, деревообрабатывающее предприятие, 44 склада, взорван 31 мост, 33,7 км железнодорожных рельсов, уничтожено 33,8 км телефанно-телеграфной связи, разгромлено 27 гарнизонов, уничтожены 33532 фициста.

В момент соединения с Красной Армией бригада насчитывала 3300 человек, в Красную Армию пришли из нее 2537 человек, ей были переданы 20 пушек и минометов, 10 ПТР, 587 пулеметов и автоматов, 1726 винтовок, 850 пистолетов и 2000 пудов продовольствия.

Прежде чем завершить свои беглые воспоминания, хочу только вспомнить о нескольких скромных людях, которые сражались на нашей Брянщине.

В деревне Афонино жила Самсонова Варвара Ивановна (то ли 1911, то ли 1912 года рождения). Жила она, как мне казалось, с очень древней старушкой и маленькой девочкой в кате, вросшей в землю. У нее сильно болела нога, она ее волочила и ночью кричала от боли; ходила она с палочкой. Когда нам невозможно было пройти в Епишево или Сещу, она выручала нас. Немцы, очевидно, смотрели на нее как на недостаточно развитую, но эта скромная и тихая женщина была мудрой и отважной разведчицей. Сколько раз она спасала нас от явной смерти, сколько раз она носила взрывчатку, мины, газеты, листовки. Как она могла это делать, и сейчас остается загадкой, но всегда выходила победительницей.

А как не вспомнить Н.Горбачева? Это был настоящий агентурный разведчик. В дальнейшем комбриг Ф.С. Данченков доверил ему возглавлять все подполье Дубровки. Фашисты сумели уничтожить этого замечательного человека при выполнении им весьма важного задания. Схвачены были его жена Мария и старший брат, которые так и погибли в застенках гестапо. Вечная им память.

Сафронов и Гаранин также были агентурными разведчиками в Дубровке, работали как — будто бы на немцев, а сами смертельно их ненавидели и честно выполняли задания нашего командования, пока не были кем — то преданы. Знаю, что их забрали, связь потерялась. Тогда группа значительно пострадала. И вот как — то сразу после последней большой "гонки", еле живые, эти два мужественных человека бежали из Рославльского концлагеря и нашли нашу бригаду. На них было страшно смотреть. Это были две смерти с быющимися сердцами. Комбриг направил их к нам, они еле — еле пришли в себя. Затем громили

фашистов со страшным ожесточением.

Так как я пишу от имени подростков, участвовавших в Великой Отечественной войне, то хотелось бы для молодого поколения сказать о той роли, которую сыграли подростки, простые мальчики и девочки, в борьбе с фашизмом, их ярком и героическом вкладе в общее дело победы, освобождение родной страны.

Да, мы были босыми и голодными, недосыпали неделями, мокли под дождями и мерзли в снегу, потому что, как ни оберегали нас взрослые, условия наши не отличались от тех, в которых находились все бойцы. Партизанская жизнь — суровая, голодная и раздетая, жизнь под постоянной угрозой провала, окружения, смерти.

И весь этот физический и психологический груз, легший на плечи вчерашних беспечных и шустрых деревенских сорванцов, груз, оказавшийся не по силам иным взрослым из отряда, мы вынесли с честью. В чем причина? Как это объяснить?

Тут прежде всего хочу сказать, что наше поколение до войны росло в условиях, совсем не похожих на сегодняшние. Отсюда и различия — внешние и, так сказать, внутренние, психологические. В те времена детей не наряжали, не перекармливали, мы были босоноги, неизнежены, с ранних лет привыкли трудиться, росли с сознанием, что будем помощниками взрослым. Мы это знали, а старшие не позволяли забывать, частенько давали поручения, работу, говорили, что, мол, вырастешь, отца заменишь, наравне с ним работать будешь.

Мы росли в сознании необходимости помощи старшим, продолжения их дела. И когда отцы наши ушли воевать, казалось естественным, что мы сменили их у плуга или станка или помогали в бою с винтовкой в руках.

А кому из подростков романтика военных лет не кружила голову и не давала спать по ночам? Но самым важным обстоятельством было то, что вполне по — взрослому уже осознавали горе и боль родной земли. На наших глазах умирали люди — взрослые и дети, горели избы, враг топтал родные поля. Могли ли мы оставаться в стороне, под материнским крылышком?..

ЛЕСТЕХОВЦЫ - ПОБЕДЕ

В партизанском отряде, а затем в бригаде я и мои сверстники учились мужеству и упорству. Мы старались подражать им, быть достойными их доверия, заслужить похвалу. В трудных походах крепла наша воля и выковывался характер. Можно сказать, что такими, какие мы есть, нас сделала война. Суровая и опасная это была школа...

В нашем и других многочисленных партизанских отрядах подростки боролись и отдавали свои маленькие жизни не зря. Специфика партизанской войны состоит в том, что успех операции определяется прежде всего наличием точных сведений о расположении, численности и планах противника. Только это могло обеспечить внезапность и точность нанесения ударов, помогало командирам найти верный и хитрый ход операции, позволявший нам побеждать при численном и техническом превосходстве противника. Именно подростки ходили в разведку и приносили эти ценные данные. Приносили мы из своих опасных вылазок и трофеи - оружие, патроны, гранаты, оставшиеся на полях сражений. Мы были глазами и ушами партизанских отрядов, мы были и языком Советской власти на оккупированных гитлеровцами территориях: мы несли в деревни и села, города, районные центры газеты, листовки, сообщали содержание сводок Совинформбюро, вселяли надежду в сердца людей. Маленькие, юркие, не вызывающие подозрения у немцев, мы могли сделать то, что было иногда невыполнимо для взрослых. А когда того требовала обстановка, вместе со старшими шли на серьезные операции, подкладывали мины, пускали под откос поезда. Многие из нас не дожили до светлого часа победы, но те, кто остался в живых, помнят и расскажут о них.

В заключение я хотел бы сказать, что всех нас, подростков, в бригаде старались оберегать от самых опаспых операций, каждый из нас чувствовал заботу и внимание к себе. К нам относились в то же время как ко взрослым, мы чувствовали себя равноправными со взрослыми. Однако, как уже я говорил, обстоятельства были выше нас, поэтому смерть подстерегала подростков на каждом шагу. Из—за нехостаточного опыта и в разведке, и в боях гибли в первую очередь подростки. Те, кто находился в хозротах, санчастях, были живы и невредимы, но многие не могли смириться с такой жизнью и стремились в бой, на нодрывные работы, в

разведку.

О себе скажу: я счастлив, что прошел суровую школу жизни среди талантливых командиров и политработников, мужественных рядовых партизан. Я, как губка, впитал, во всяком случае, стремился впитать все хорошее из этой замечательной среды. Думаю, что это многое мне дало, я воспитал в себе колоссальную работоспособность и упорство. Еще в партизанах я заболел малярией, приобрел почечно—каменную болезнь, а позже гипертонию и многие другие недуги, но ничто не могло остановить меня. Стремление двигаться вперед было очень велико. Из всех моих сверстников по школе, а их было человек 50 — 60, только мне удалось закончить после партизанской войны 7 классов, причем на "отлично". Затем техникум, работа на предприятии, вуз и т.д..

причем на "отлично". Затем техникум, работа на предприятии, вуз и т.д..
А ведь родители мне подарили только 6 классов. Из бригады я уехал в чужую деревню, там со своими младшими

братьями построил землянку, стал зарабатывать на кусок клеба, а точнее, картошку, не до хлеба было тогда. Пахали землю женщины и дети. Сами вместо лошадей и волов таскали плуги и бороны. А какие были мы рваные и грязные, какие заразные болезни липли к нам! Ведь не случайно мой младший брат Ваня (1932 года рождения) умер в мае 1945 года. Не протянула долго и мать. Она умерла в возрасте 45 лет. При взятии Кенигсберга в феврале 1945 года погиб отец. Все, казалось бы, рушилось, но мы боролись не только за жизнь. Это, думаю я, не без влияния тех людей, среди которых формировался мой характер. А ведь когда мы спасли летчика, мне было только 13, а в отряд им. Чапаева я попал в возрасте 14 лет.

Ясно, что именно там был заложен фундамент, там я

начал отроком, а закончил уже почти юношей.

Я гордился и горжусь всеми, кто был примером и образцом для меня. Поэтому теперь, спустя не один десяток лет, я считаю и буду считать бывших моих командиров настоящими учителями и наставниками. Уважение и благодарность к ним несу через всю свою жизнь.



Виктор Михайлович ПИКАЛКИН, доцент

66 Н аше дело правое" — эти слова впервые звучали в ноябре 1941 года, в самые тяжелые дни обороны Москвы. Они вошли в плоть и кровь каждого советского человека.

SHITE OF THE SAME OF THE STATE OF THE SAME OF THE SAME

С первых дней войны по призыву сердца вместе с тысячами москвичей я обратился в Пушкинский горком партии с просьбой об отправке на фронт. Горвоенкомат направил меня в 17—й Отдельный отряд аэростатов наблюдения Московской зоны обороны. Отрядом, расположенным в то время под Москвой на Можайском шоссе, командовал капитан П.Ф. Михальцов.

Встретил меня командир с прохладцей. Какой — де из меня толк: рядовой, необученный. Так значилось в моем военном билете. Пришлось мне доказывать, что как лесовод я хорошо знаю геодезию и топографию.

Недели через две после моего прибытия в часть командир решил меня испытать: посадил в корзину аэростата, сел сам и дал команду подняться на 1200 метров (до этого я никогда в жизни выше крыши трехэтажного дома не поднимался).

Сознание, что меня испытывают, и острое желание быть полезным на войне мобилизовали всю выдержку и стойкость. Ничего со мной не случилось. Голова не закружилась, и не укачало. Стал по карте ориентироваться и определять, опознавать населенные пункты.

Капитану Михальцову понравилась моя быстрая ориентировка и способность переносить "болтанку". Ветер в то время был приличный, и корзину основательно покачивало. Пробыли в воздухе ровно час. Вскоре был приказ командования МЗО о зачислении меня пилотом—воздухоплавателем и присвоении звания младшего

лейтенанта. Почти одновременно меня командировали в москву в Артиллерийскую академию им. Дзержинского для обучения корректировке артогня и разведке целей противника. Две недели учился стрельбе из орудий и корректировке огня своих батарей. Одновременно тренировался на обнаружение целей. Обучаясь в Артиллерийской академии, я часто возвращался в часть для выполнения различных приказов командования:

16 октября 1941 года. Немцы особенно рвались к Москве, были на ближайших ее подступах. В этот день не работало московское метро. На улицах вечерней Москвы было пустынно. Из общественного транспорта ходили только трамваи. Поток машин шел на восток. До части от Киевского вокзала пришлось добираться пешком. Была ночь. Когда я добрался в часть, командир приказал подняться в воздух и искать по вспышкам батареи противника. Поднялись на 1000 метров, от ветра — сплошной свист в ушах. Ничего не слышно. Одна мысль — не вывалиться бы из корзины (со мной в корзине еще находился старший лейтенант Гусев). А в это время — налет немецких самолетов, разрывы спарядов наших зениток. Оболочка получила много пробоин. С помощью паземной команды аэростат был опущен на землю. Приказ командира был все же выполнен.

Здесь, под Москвой, Гитлер получил первое настоящее поражение, и отсюда покатился назад. Битва за Москву определила всю дальнейшую судьбу фашистской Германии.

Кровопролитные бои на ближних подступах к Москве, легендарная стойкость наших воинов от рядового до генерала остановили полчища гитлеровцев и повернули их вспять.

Беззаветная любовь к Родине, вера в наше правое дело были у каждого бойца, у каждого москвича. Нет слов описать тот патриотизм, тот моральный дух, какими были охвачены защитники Москвы в ноябре 1941 года. В сознании каждого бойца звучали слова: "Наше дело правое, победа будет за нами". Слова эти вдохновили народ на полный разгром врага.

Александр Николаевич ПИМЕНОВ,

профессор

Я был призван в действующую армию в апреле 1942 года, в самый трудный год войны, когда враг осуществлял свой "блиц – криг". На войне пробыл два года и семь месяцев, до 23 ноября 1944 г., в составе 23 – й стрелковой бригады внутренних войск НКВД. Я служил на офицерских должностях в штабе батальона и штабе бригады воинской части специального назначения. Наша воинская часть имела задачей охрану тыла фронтов и охрану Москвы. Когда враг в декабре 1941 г. был отброшен от Москвы, нашей части поручили охрану тыла сначала центральных, а позднее Белорусских и Украинских фронтов. После освобождения г. Смоленска мы всю осень 1943 г. и начало зимы 1944 г. несли службу по охране города и освобождению его от вражеских элементов и отвечали за порядок в городе.

В начале весны 1944 г. нашу бригаду перебросили на территорию Румынии для осуществления оккупационного режима на освобожденной территории и в помощь войскам 1—го и 2—го Украинских фронтов. Шла подготовка к дальнейшему продвижению наших войск по Румынии (в частности, готовилась Ясско—Кишиневская операция), к разгрому вражеских войск и капитуляции Румынии. Как известно, действия нашей бригады, 1—го и 2—го Украинских фронтов привели к выходу Румынии в августе 1944 г. из войны на стороне Гитлера и к объявлению войны против него. Но это было потом...

А поначалу очень тяжело воспринимались поражения первых дней и месяцев войны, когда враг, вооруженный по последнему слову военной техники, почти безнаказанно уничтожал все на своем пути: людей, имущество, продовольствие, скот, посевы, селения, города, все живое и мертвое, оставляя за собой пепелища и миллионы трупов, угоняя в свой рейх рабов и пленных, сгоняя в лагеря

смерти, сжигая в газовых печах и расстреливая, уничтожая духовно непокорных. Хотелось за это отомстить врагу и скорее повергнуть его в прах, уничтожить. И когда под Москвой ему был нанесен такой удар, народ ощутил свою силу, уверился, что противнику никогда не удастся превратить нашу страну в колонию. Армия была с народом, а народ — с любимой армией.

Победа в войне с фашизмом была достигнута совместными действиями армии и тыла. В процессе борьбы за победу в армии выковались умелые волевые талантливые военачальники, крепкие военные кадры. Авторитет Верховного Главнокомандующего был непререкаем, но люди любили больше таких военачальников, как Г.К.Жуков, К.К.Рокоссовский, В.И.Чуйков, Ф.И.Толбухин, Р.Я.Малиновский, А.М.Василевский, П.А.Ротмистров и др.. Это они были разработчиками и руководителями военных побед. За это армия их любила и гордилась своей службой под их командованием.

Нашей воинской части не приходилось входить в соприкосновение с передовыми воинскими частями врага. У нас не было с ним крупных военных стычек — только мелкие операции с применением стрелкового оружия по ликвидации остатков вражеских войск, попавших в окружение или выходящих из него. (Подразделения нашей бригады в Румынии также занимались поимкой шпионов и пособников врагу.) Со стороны это выглядело даже буднично, люди были заняты каждый своим делом (ему порученным), но не заботой об орденах и заслугах. Геройские поступки совершались "как бы между делом", в процессе выполнения "штатных обязанностей" при защите Родины, но не ради звания Героя или прославлений.

В нашей армии фронтовой быт устраивался не сразу. В начале войны было много неурядиц в этом деле. Но уже со второго года войны это было в основном устранено. Особенно четкий порядок поддерживался в передовых частях армии. Для них питание, одежда, медицинское обслуживание, жилищные условия предоставлялись по высшему разряду. Тыл посылал в передовые части теплую одежду, хорошие продукты, подарки, концертные бригады, музыкальные инструменты — все для фронта! А девушки писали письма

бойцам. Хорошо и без сбоев работала полевая почта.

Я закончил военную службу 23 ноября 1944 г.. Приехал в Москву и в Министерстве лесной промышленности узнал о преподавательских вакансиях в лесных вузах страны.

Поскольку моя жизнь была тесно связана с лесом, не могу не отметить ту огромную роль, которую сыграла лесная промышленность как отрасль народного хозяйства в достижении победы над фашистской Германией. В лесах вела борьбу с врагом отважная партизанская армия, а лесные материалы в огромных количествах поставлялись войскам как стратегическое сырье.

Вот краткий перечень того, что давал лес фронту и тылу. Для войны лесная промышленность поставляла оборонным предприятиям и фронту древесину для самолетостроения и вагоностроения, спецтары для упаковки оружейной техники и снарядов, лыж, телефонных шестов, деревянных корпусов мин и снарядов, понтонного имущества, деталей для стрелкового оружия и т. д.. Различные поставки осуществляла для фронта мебельная и деревообрабатывающая промышленность в виде мебели, деталей и агрегатов самолетов (лыж, фюзеляжей, планеров) и даже самих самолетов и аэросаней. Древесина также шла на топливо и оборонительные сооружения. Всего за годы войны на строительство и другие нужды страны всеми видами транспорта было поставлено и израсходовано 230 ман. кубометров делового леса, 80 млн. кубометров пиломатериалов и около 400 млн. кубометров дров (в том числе около 69 млн. кубометров топливных дров для железнодорожного транспорта). При нехватке жидкого топлива использовалось газогенераторное топливо из древесины. Недаром она была включена в число 4 важнейших видов стратегического сырья.

Мы воевали "за Родину, за Советскую власть". В царское время войны велись под девизом: "За веру, царя и Отечество". При этом религиозные чувства усиливали действия воинов в борьбе с противником. Это — в крови русского народа и пусть живет и теперь, и в будущем.



Ювеналий Васильевич ШЕЛГУНОВ,

Torso totache forsont that y ornormance, admanding

профессор

М не довелось принимать участие в войне на . Воронежском, Сталинградском и Донском фронтах.

Родился я в многодетной крестьянской семье в глухой деревне Калининской (ныне Тверской) области Емельяновского (ныне Старицкого) района. В каникулы работал в колхозе, помогал матери (отец умер в 1937 г.) в домашних делах, по хозяйству. Старшие братья и сестры (их было четверо) ушли на заработки, а при матери нас было еще трое.

Накануне войны, в субботу 21 июня 1941 г., я получил аттестат об окончании средней школы (единственный из деревни). Хотелось учиться и дальше, много было планов на будущее. На другой день все дороги слились в одну — в бой. Забурлило, закипело; слезы и плач женщин, провожавших мужчин на фронт. Я пошел в райвоенкомат с просьбой отправить и меня, но получил отказ, так как мне было только 17 лет. Женщин и мужчин мобилизовали на оборонные работы: копать противотанковые глубокие рвы между дорогой Калинин — Ржев и Волгой, идущей параллельно дороге.

Мой одноклассник, назначенный председателем райсовета Осоавиахима, нашел меня и взял к себе командиром—инструктором. Я обучал население тушить зажигательные бомбы, вылавливать немецких парашютистов.

Наша работа велась под руководством райвоенкомата. Вот здесь—то мне и повезло. На фронт меня, правда, не послали, а направили в авиатехническую школу в г. Серпухов, где готовились авиамеханики, обслуживающие истребители. Это был сентябрь 1941 г., немцы рвались к Москве. Школу эвакуировали в г. Кзыл—Орду, в тыл, дальше от фронта! Здесь до мая 1942 г. по 10 часов в день мы

занимались авиационно—технической подготовкой. Немцы рвались к Волге, к Сталинграду, Воронежу. Наши рапорты об отправке на фронт наконец сыграли свою роль, и мы были призваны в действующую армию. Высадились мы из эшелонов в г. Мичуринске и в полном боевом снаряжении отправились к Воронежу (это около 200 км), где уже шли сильные бои. На фронте нас направили на третью линию обороны, затем — на вторую и только через неделю или чуть больше — на передовую. Так постепенно мы привыкали к боевой обстановке, видели раненых, хоронили в братских могилах убитых под разрывами мин и снарядов.

Любой бой — тяжелейшее испытание для солдата, но первый — тяжелее и страшнее втройне. Жара, пыль, взрывы, гибель товарищей, ранение. Это все впервые, это нервы и напряжение. В этом бою я потерял троих товарищей по авиашколе, в том числе своего земляка М.Никитина, а ему, как и мне, было только 17 лет.

Не верилось, что остался жив. Как я узнал позже, бои за г. Воронеж верховное командование рассматривало как активную стратегическую оборону, в результате которой планировалось измотать и обескровить врага перед крупнейшим наступлением, задуманным гитлеровцами на юге Восточного фронта. После легкого ранения я нопал в группу артиллеристов, хотя никогда не стрелял из пушки. (Нужны были артиллеристы для борьбы с армадой танков, рвавшихся к Волге.) Меня назначили командиром 76—миллиметровой противотанковой пушки на конной тяге и присвоили звание старшего сержанта. Я быстро освоился, так как командир батареи обучал меня артиллерийскому делу непосредственно на огневых позициях во время боев и в перерывах между ними. Не забыть один из них.

Мы стояли на прямой наводке против танков противника перед излучиной Дуная. И вот с косогора на наши позиции пошли многочисленные танки. Прямой наводкой обе наши пушки били бронебойными снарядами по этим танкам, они — по нашим позициям. Кругом дым, пыль, летняя жара, большая жажда. Вражеские танки не смогли прорваться в наш тыл. На поле боя горели 7 машин

противника, остальные повернули обратно. Мы потеряли четверых наших товарищей, двух лошадей. Несмотря на это, настроение было приподнятое.

В октябре 1942 г. наш полк получил еще несколько пушек, а вместо лошадей — американские автомашины "Виллис", и мы перебазировались в район Сталинградского завода "Красный Октябрь".

И здесь мы были на прямой наводке. Опять жаркие бои с танками, но уже в городе, где обзор невелик, а по нам били из зданий. С водой было очень плохо: не то, чтобы умыться, напиться было нечем. Глаза стали опухать и гноиться, спали на ходу. Несмотря на все это, подбили еще 5 танков.

Вскоре после Октябрьских праздников полк своим ходом отправился на Донской фронт. Было непонятно, почему из Сталинграда, где идут жаркие бои, где фашисты рвутся к Волге, нас перебрасывают в другое место. Но вот утром 19 ноября, когда был сильный туман и наша и вражеская авиация бездействовали, началась артиллерийская подготовка, которая длилась почти полтора часа на всем участке севернее Сталинграда. Стоял сплошной гул: била дальнобойная артиллерия, минометы, "Катюши"; стволы наших орудий накалились так сильно, что брошенный на них для охлаждения снег сразу же превращался в пар. После артподготовки началось окружение фашистских войск. Радости не было конца, боевой дух солдат и офицеров был беспределен. Нам навстречу шли в плен целые полки румын со знаменами, итальянцы, которых немцы держали на передовой линии. Двигаясь на запад, мы видели результаты нашей артподготовки: все было разбито и сожжено.

18 января 1943 г. мы заняли круговую оборону в центре г. Каменск — Шахтинска, что на берегу реки Северный Донец, а утром оказались под сильным огнем врага: била фашистская артиллерия, минометы, бомбила авиация. В нашу машину и пушку попали 2 снаряда, разбив их. Меня и шофера ранило, двух солдат убило. С ужасной болью в ноге я сгоряча пробежал несколько шагов и упал в снег. Кругом рвались снаряды, мины, бомбы — не поймешь,

что происходит. Собрав силы, я пополз по льду реки на другой берег, оставляя кровавый след. На другом берегу я был вновь ранен в колено. Очнувшись, увидел, что валенок полон крови, подняться уже не мог. Пополз по снегу, теряя сознание. В сумерках, не придя в себя, уснул на снегу. Очнулся я уже в каком - то погребе в деревне. Оказывается (бывает же такое), меня подобрал мой командир батареи, старший лейтенант А.Олин, и принес в этот погребмедпункт. Оказалось, я прополз по снегу около трех километров. Так я остался жив. В госпиталях удалили часть осколков из коленного сустава, а стопа не работала. Лечился я в госпиталях до 22 июля 1943 г., т. е. полгода, и в возрасте 19 лет стал инвалидом.

Вернулся в родную деревню, а ее как таковой уже и нет: она была сожжена фашистами. Жители ютились в двух оставшихся домах, банях и землянках. С больной ногой пришлось идти в лес и валить деревья вместе со всеми, помогая друг другу. Старики и такие, как я, восстановили, конечно, не прежние дома, а маленькие избушки. Но и этому все были рады. И День Победы встретил я на строительстве дома. Радости не было конца, особенно когда весной 1946 г. мы с матерью перебрались в новый дом. В этом же году я уехал (с благословения матери) учиться в Московский лесотехнический институт, который и окончил в 1951 году. получив квалификацию инженера - технолога. Защитил диссертацию, в 1981 году стал профессором, заведовал кафедрой механизации лесозаготовок.

Сейчас, в возрасте 70 лет, анализируя жизнь нашего поколения, считаю, что она была положена на алтарь нашего Отечества не напрасно. Суровой была наша юность. Миллионы не вернулись с полей войны, сложив головы на поле брани. Вечная им память и слава!



Григорий Соломонович ШУБИН, академик

Койна началась для меня с самого ее первого дня, когда немцы бомбили окраины г. Минска, где я жил. Слова Молотова о том, что немцы развязали войну, застали меня во дворе дома. Объявление о начале войны, конечно, огорчило, но, с другой стороны, вызвало у нас, подростков (мне было 15 лет), приподнятое настроение. Никто не представлял себе предстоящих размеров бедствий, все надеялись, что победа будет быстрой и блистательной. Мы были воспитаны на словах наркома обороны Ворошилова о том, что "мы чужой земли не хотим, но и своей земли ни пяди не отдадим". 22, 23 и 24 июня мы с друзьями выходили с биноклями во двор наблюдать, как над городом появлялись один или несколько немецких самолетов, которые пролетали, не сбрасывая бомб (потом стало ясно, что это были разведчики, фотографировавшие территорию). Когда они улетали, в воздухе появлялись наши самолеты, которые тоже пролетали мимо. Мы ждали воздушных боев, о которых много читали в сводках о войне в Испании. Но таких воздушных схваток в первые два дня не было. И вот 24 июня с утра в небе появилась и начала приближаться к городу армада немецких бомбардировщиков. Мы с ребятами начали было считать их, насчитали 35 и больше не успели. Самолеты пролетели над нами и тут же начали бомбить. Я побежал домой, но, не успев добежать, увидел, как бомба упала рядом с ним и взрывной волной снесло лестницу между 1-м и 2-м этажами (мы жили на 2-м этаже).

Весь день немцы бомбили город, он горел. Мы с матерью и сестрой ушли в подвал расположенного невдалеке костела, так как бомбоубежищ практически не было. Выходить из подвала было страшно, бомбежка не

прекращалась. К вечеру нас нашел отец, до того бывший на работе, и мы со всеми жителями двинулись по горящему городу к Могилевскому шоссе. Оно оказалось запруженным людьми, все двигались подальше от города. Домой мы больше не попали. В основном пешком, иногда на телегах, редко на грузовиках, мы протопали всю Белоруссию, преследуемые немецкими войсками, шедшими буквально по пятам за нами. В г. Рославле Смоленской области попали в теплушки товарного поезда, который медленно и с происшествиями привез нас на Урал. В конце концов мы попали в город Челябинск. Жили, как и все, в очень тяжелых условиях. Здесь я поступил на II курс Челябинского энергетического техникума, стал секретарем комсомольской организации. Когда из райкома пришла разнарядка на 11 человек в авиационное училище, я подал заявление. Авиация - ведь это романтика.

Март 1943 года. Идет Челябинская городская комсомольская конференция, вдруг, прервав оратора, объявляют: "Делегат Шубин, на выход". По прибытии в военкомат мне вручили пакет на 11 человек (я старший) и сказали, что, хотя мы и добровольцы, но, если завтра не прибудем в Свердловский горвоенкомат, нас будут рассматривать как дезертиров. При этом железнодорожных билетов нам не дали, а достать их было практически невозможно. В тамбурах и на подножках поезда в сильнейшие морозы мы доехали до Свердловска, до которого было не менее 250 км.

В горвоенкомате нас ждало разочарование, поскольку вместо авиационного училища мы были отправлены в пехотное. Но, подумав, решили, что, видимо, пехотинцы фронту нужнее.

Я воевал на 3-м Белорусском фронте, освобождал родную мне Белоруссию, Литву, участвовал в боях в Восточной Пруссии. За годы войны мне пришлось увидеть многое. Фронт — понятие весьма широкое: действующая армия простиралась от передовых траншей и окопов на много километров вглубь. Мне пришлось воевать на самом переднем крае.

Врезался в память первый приход на передовую. Хотя из училища в 83-ю Гвардейскую стрелковую Городокскую Краснознаменную ордена Суворова дивизию 11-й Гвардейской армии я попал не один, но так получилось, что из штаба 252-го Гвардейского стрелкового ордена Суворова полка в траншею передовой шел в одиночестве. Часть стояла в обороне и готовилась к наступлению. От штаба полка до передовой было около 2 км. По мере приближения к траншее плотность винтовочно - пулеметного огня противника увеличивалась. Но я благополучно добрался до штаба батальона и командира роты, а затем - на свой участок траншеи. Встретила меня передовая не очень приветливо. При мне почти сразу после прибытия был убит лучший снайпер дивизии, а по решению трибунала были расстреляны 4 солдата за попытку взаимного самострела с целью отправки в тыл.

Поскольку я был назначен командиром стрелкового взвода, по прибытии в расположение я обощел всех солдат, представился, проверил наблюдательные посты. В первую же ночь с моего участка разведчики поползли за "языком" и вскоре вернулись с немцем. Это была удача, но я боялся, как бы немцы не сделали то же самое со мной или с кем-нибудь из моих солдат, поэтому ночью не сомкнул глаз. Так я не спал ни ночью, ни днем трое суток, пока ко мне не добрался старший сержант Я.Богудин (которому было 38 лет, и все называли его дедом) и сказал: "Сынок, до конца войны еще далеко, впереди еще много ночей, все ночи не спать ты не сможешь; у тебя выставлены посты, все будет в порядке". Его слова успокоили меня, и я стал спать. (К слову отметим, что Богудин остался живым, после войны приезжал ко мне в гости в Москву. Был он на фронте совершенно отважным солдатом, в Москве же держался за меня обеими руками, боясь переходить улицу: мирные машины были для него страшнее немецких танков.

И вот первая атака, в которую я повел взвод. По боевому уставу нехоты командир стрелкового взвода в атаку идет находясь за стрелковой цепью своих солдат. Но я не

знаю случая, чтобы это положение устава выполнялось. Командир стрелкового взвода всегда первым поднимался над окопом, подавая пример бойцам. Очень часто такое начало боя становилось для командира взвода концом его жизни.

Сейчас можно прочесть в печати, что призывы: "Вперед, за Сталина" — это выдумка, такие призывы, мол, никого не воодушевляли. Я по — разному относился к Сталину и тогда, и сейчас, но как непосредственный участник боев могу сказать, что эти слова были в войсках обычными призывами, которые удваивали силы (другим допингом была водка, которую мы практически всегда получали перед атакой).

В этой моей первой атаке немцы отчаянно сопротивлялись, несмотря на проведенную ранее артподготовку. Под конец завязался рукопашный бой, и было взято в плен 17 немцев.

За этот и несколько последующих боев я получил первый орден Красной Звезды, которым позднее был награжден еще дважды.

Как правило, все эпизоды, которые выпадают на долю командира стрелкового взвода, — смертельные. Только случайно он, находясь под прямо направленным огнем противника, может остаться живым. Это ключевая фигура боя. Недаром существует присказка: "Генералы, встать — командир взвода (или Ванька взводный) идет". Позже статистикой было установлено, что у командира стрелкового взвода была самая маленькая продолжительность жизни на войне.

Я считаю себя счастливцем, поскольку пуля меня миновала и я имел лишь легкую контузию. За почти год пребывания в 83 — й Гвардейской стрелковой дивизии я, в силу того что не выбывал из строя, считался ее ветераном.

Перед наступательным боем командир роты, как и положено, собирал командиров взводов и на местности отдавал боевой приказ, другими словами — ставил боевую задачу. Там бывали примерно такие слова: "Двигаться в общем направлении... на отдельно стоящее дерево или

строение, уничтожая противника; достигнув рубежа на уровне такого — то строения, закрепиться или действовать по обстановке". Вот эти слова: "действовать по обстановке", часто оказывались роковыми, так как обстановка на разных боевых участках складывалась по — разному. Поэтому кто — то мог продвинуться больше, кто — то — меньше, фланги оголялись, подразделения перемешивались. В ходе же самого боя его корректировка на уровне взвод — рота — батальон почти не производилась, связь была наиболее слабым звеном в пределах подразделений. В связи с вышесказанным расскажу об одном из боев.

Так получилось, что в силу "действий по обстановке" в одном наступательном бою под моим началом оказалось около 100 бойцов из разных подразделений. Я был лейтенантом, еще 3 офицера — младшими лейтенантами. Неожиданно перед нами показались 9 немецких танков, за ними пехота. Местность была совершенно открытой, поэтому нужно было окапываться как можно глубже (иначе верная гибель) и одновременно вести огонь. У нас имелось всего 2 противотанковых ружья и несколько противотанковых гранат, а также 2 станковых пулемета и винтовки. Кругом — никого своих, посланные связные погибли. А танки неумолимо шли, расстреливая нас, впереди была только одна перспектива — оказаться под их гусеницами.

Отличие сложившейся смертельной обстановки от той, когда ты идешь в атаку, в том, что атака — это динамика, ты идешь вперед, на подъеме, нет времени думать об опасности. Но когда на тебя движутся танки, а ты не укрыт и на волоске от верной гибели, время как бы останавливается, ты ощущаешь свое бессилие, и становится очень страшно. У некоторых нервы не выдерживали, один боец встал во весь рост и начал из автомата стрелять по танкам, и естественно тут же был сражен, некоторые пытались бежать и тоже были настигнуты огнем. Как старший но званию я за все нес ответственность, к тому же пужно было удержать завоеванный рубеж. Выйти с честью из дайной ситуации можно было лишь оказывая достойное сопротивление. И когда был подбит один танк

ЛЕСТЕХОВЦЫ - ПОБЕДЕ

из ПТР, а затем и второй из чудом появившейся около нас приблудной 45—миллиметровой пушки, танки неожиданно повернули и ушли, очевидно полагая, что у нас неиссякаемые силы. А на самом деле в живых осталось только 13 человек.

Запомнились бои в Восточной Пруссии. Прорыв обороны начался 16 октября 1944 года. Бои на этой земле были особенно кровопролитными, немцы сопротивлялись отчаянно. Первоначально планировалось, что Кенигсберг будет взят примерно через месяц после прорыва, но на самом деле это произошло лишь через 6 месяцев, 10 апреля 1945 года. А для нашей дивизии последние бои в Пруссии закончились 27 апреля взятием морским десантом порта Пиллау. На территории Восточной Пруссии полегло абсолютное большинство тех, кто пришел со мной в 11—ю Гвардейскую армию из пехотного военного училища.

К своим товарищам, кадровым военным и политрукам, я, как, впрочем, и все фронтовики, относился нормально, с уважением. С трибунальцами мне не приходилось иметь дела, а вот представителей СМЕРШа почти все недо-любливали. В боях они не участвовали, а наблюдали за ним издалека, зато после боя могли прийти в расположение войск и, размахивая пистолетом, незаслуженно грозить офицеру (вплоть до расстрела на месте), так как им показалось, что ты в бою не сделал то—то и то—то.

Мирную жизнь я встретил полный надежд и веры в то, что все достижимо и преодолимо, что впереди нас ждут любовь и радость... и это на фоне тяжелейших материальных условий, разрухи.

С тех пор День Победы для моего поколения самый великий и тем не менее печальный праздник. В этот день у меня всегда подавленное настроение, чувствуещь себя случайно живущим, до боли хочется увидеть вновь своих боевых товарищей, с которыми вместе попал на фронт, которые ушли из жизни в 18—19 лет и которым мы очень мало воздали. Меня посещает ностальгия о войне не потому, что хочется еще раз испытать судьбу с большей вероятностью погибнуть, а еще потому, что это был

период проявления наибольшего мужества и ответственности, настоящей дружбы и взаимовыручки, ведь отношения между людьми на передовой были близкими, ясными. В мирной жизни, к сожалению, отношения "начальг" к—подчиненный", как это ни странно, оказались более сложными. Трудно было фронтовику—победителю смириться с зависимостью от разного рода начальников и чиновников, которые могли делать все, что хотели. На фронте этого не было, там под пулями все были равны. Поэтому в мирной жизни фронтовики оказались людьми более прямыми, резкими, независимыми, их не всегда правильно понимали.

Когда я демобилизовался и приехал в Москву в августе 1946 года, вузы были уже укомплектованы. В этих условиях легче всего было поступить в лестех, что я и сделал, пойдя по стопам отца, специалиста — управленца по деревообработке.

Мне и моим сверстникам пришлось воевать и отвечать за решение боевых задач в возрасте сегодняшних первокурсников. Командиру нашего стрелкового батальона майору Букову было 22 года, а казавшемуся нам совсем пожилым командиру полка прославленному полковнику Яблокову — 28, старшему сержанту Богудину, воевавшему рядом с моим взводом и считавшемуся вообще дедом, было 38 лет. Поэтому, на мой взгляд, молодежь может раньше вступать в самостоятельную жизнь, отказываясь от инфантильности, иждивенчества, ожидания готовых решений от старших.



Юрий Степанович ШУКШИН,

проводе проявления начествето мужегива пр

зав. лабораторией

PATER AND ADDRESS OF THE PARTY В 1940 году я поступил в Бауманский институт и успешно, с большим желением учился на I курсе. В июне 1941 года шла весенняя сессия, и оставался последний экзамен 23 июня. А 22 июня, в воскресенье, из сообщений по радио узнал о начале войны, о нападении фашистской Германии на Советский Союз. Хотя военная угроза давно уже чувствовалась, но все же начало войны было неожиданным. Паники не было. Большинство студентовбауманцев были охвачены патриотическим порывом и хотели попасть на фронт. Но Бауманский институт готовил инженеров для оборонной промышленности, и нас сразу после сессии направили "на практику" на военные предприятия. Я попал на автобронетанковую ремонтную базу и стал работать слесарем по ремонту бронеавтомобилей. С выездными бригадами проработал все лето. К концу сентября руководству института с большими трудностями удалось отозвать "практикантов" для дальнейшей учебы. Пока собирались наши студенты, я по линии комсомола был направлен добровольцем на испытания новой прививки для армии от отравляющих веществ в институт профессиональных заболеваний имени Обуха. Пролежал я там 7 дней и выписался с осложнениями после искусственных отравлений. Вернулся в институт с палочкой. Начались было занятия, но в начале октября пришел приказ ГКО об эвакуации института в г. Ижевск.

К весне 1942 года ускоренными темпами успешно окончили II курс, но дальнейшую учебу в институте пришлось прервать. В мае 1942 года мы были призваны в армию в связи с ухудшением обстановки на фронтах. Я был направлен в Ленинградское пехотное училище зенитной артиллерии.

которое окончил младшим техником—лейтенантом в июле 1944 года и был направлен в действующую армию в 767—й Зенитный артиллерийский полк 13—го Корпуса ПВО, который действовал в полосе 1—го Белорусского фронта. Наш полк выполнял задачи по охране важных стратегических объектов, переправ на Висле, Одере. Я служил техником по приборам наведения в дивизионе 85—миллиметровых зенитных батарей. Моими боевыми задачами являлись поддержание в боевой готовности электрических и оптико—механических приборов управления зенитным огнем и обучение офицеров и расчетов прибористов устройству и работе на новых приборах управления в дивизионе.

Особых подвигов и героических поступков мне совершить не довелось, но ремонтировать технику на боевой позиции во время налетов вражеской авиации приходилось.

Что мне удалось узнать о войне?

Я увидел, что война — это не только столкновение пехотных и танковых армад на фронте, авиации — в воздухе, противоборство артиллерии. Война — это еще и борьба работников штабов, изобретателей и конструкторов вооружения, самоотверженный повседневный труд солдат и офицеров на фронте (строительство укрытий, сооружение и ремонт дорог, переправ, линий связи, погрузка и перевозка грузов боевого обеспечения и т.п.), а также тружеников тыла. Хотелось бы отметить подвиг наших девушек—прибористов, связисток, которым служить было нелегко, гораздо труднее, чем мужчинам, но они самоотверженно выполняли свой долг.

Какие события запомнились?

Очень переживали поражения нашей армии на начальных этапах войны. Звериный нрав фашистов довелось почувствовать при осмотре лагеря смерти Майданек на окраине Люблина, где стояла одна из наших батарей. При отступлении фашисты пытались скрыть следы своих преступлений, но не успели. В лагере были уничтожены многие тысячи пленных антифашистов, евреев. Под видом санпропускника узников загоняли в барачные помещения, запирали и нагнетали смертельный газ "циклон". Трупы

ЛЕСТЕХОВЦЫ - ПОБЕДЕ

сжигали в печах, а пепел использовали как удобрение на полях, которые обрабатывали очередные партии узников. В лагере не успели сжечь барак—склад с тщательно упакованными тюками женских волос, склад со старой обувью. Немцы и это хотели утилизировать. Кстати, нескольких немцев, которые уничтожали улики перед своим отступлением, захватили, их судил польский суд и приговорил к повешению, которое и было осуществлено у печей лагеря. Зрелище отвратительное.

Из крупных военных событий мне запомнились Висло—Одерская и Берлинская операции. О них написано много непосредственными руководителями и исполнителями. Некоторые штрихи. Висло—Одерская операция была самой "быстрой" операцией Великой Отечественной войны, несмотря на раскисшие дороги и растянутые коммуникации: с 13 по 31 января 1—й Белорусский фронт сделал бросок на 400—450 км и захватил важный плацдарм у Кюстрина.

Берлинская операция началась 16 апреля 1945 года, ночью. После мощнейшей артподготовки и бомбежки позиций немцев для освещения объектов атаки танкам и пехоте вспыхнули лучи 140 прожекторов. Немцы были ослеплены и деморализованы и не смогли оказать большого сопротивления. Среди этих прожекторов были и наши прожекторы из 13—го Корпуса ПВО. (Как ни странно, перед проведением Берлинской операции у нас были случаи дезертирства из части, штурмовавшей Берлин.)

О капитуляции фашистской Германии узнал в Познани, где в то время располагался штаб 13—го Корпуса ПВО, а его части охраняли переправы через реку Одер. Было всеобщее ликование, салют и фейерверк из трассирующих пуль и снарядов. Пришел долгожданный праздник "со слезами на глазах". Была твердая вера в то, что наша жизнь будет свободная и счастливая, что раны войны залечатся быстро.



Николай Николаевич ЩЕРБАКОВ,

старший преподаватель

Война для меня началась через неделю после прибытия в в/ч и через 11 дней после выпуска из Калининского военного училища химической защиты. Военная часть находилась в районе Харькова и занималась укомплектованием и учебой. О начале войны услышал днем по радио 22 июня 1941 года; но уже ранее по многим признакам было заметно назревание серьезных военных событий. Например, выпуск из военного училища, где я учился, состоялся на 2,5 месяца раньше срока, а положенный мне по окончании училища отпуск был отменен. На запад непрерывно двигались воинские железнодорожные эшелоны.

В звании "лейтенант" я был назначен на должность начальника химической службы 50—го отдельного понтонно—мостового батальона (50—й ОПМБ) 50—й танковой дивизии, которая 29 июня 1941 года убыла на фронт.

В оцепке и глубоком осмыслении причин войны теперь произопли некоторые изменения. Раньше совершенно определенной причиной войны считалось стремление фашистов к мировому господству и на пути к этому — захват и онемечивание СССР. Такая оценка остается и теперь. Однако к ней добавилось осознание аналогичных стремлений коммунизма во главе со сталинским руководством. Произопло столкновение двух диктаторских режимов, стремившихся к мировому господству.

В 1941 году дивизия, в т.ч. и 50 — й ОПМБ в её составе, вела оборонительные бои на западном направлении, в Белоруссии, а загем в Брянской области. До осени 1942 года я находился на Брянском фронте, в части, которая держала оборону в Орловской области, а осенью 1942 года был нереведен на Сталинградский фронт на должность

начальника химической службы стрелковой дивизии, входившей в состав легендарной 62—й армии, оборонявшей город. 74—я Гвардейская стрелковая дивизия, в которой я служил до октября 1943 года, участвовала в освобождении Украины. 31 октября на правом берегу Днепра при выполнении боевого задания я был ранен и отправлен в госпиталь на лечение.

После выздоровления с апреля 1944 года и до конца войны мне довелось служить в составе гвардейской конно—механизированной группы, в частности, в 10—й Гвардейской Кубанской казачьей кавалерийской дивизии.

Уже будучи в Польше, группа была переброшена на 2-й Украинский фронт, где приняла участие в освобождении Венґрии и Чехословакии, завершив боевые действия под Прагой. Такова моя краткая военная биография.

Каждый день на войне был отмечен какими-то событиями, но особенно врезались в память следующие эпизоды.

1941 год. Первый бой на старой смоленской дороге в Белоруссии, под городом Славгород (бывший Пропойск). Наша атака с целью овладения шоссе окончилась неудачей. Первые потери, первые горести. Затем отступление и выход (дважды) из окружения.

1942 год. После сражения под Москвой фронт стабилизировался, и войска Брянского фронта находились в обороне. В это время приходилось выполнять очень опасную и довольно неприятную задачу. Офицеры штаба полка по очереди (по графику) примерно один раз (но иногда и больше) в неделю с наступлением темноты и до рассвета должны были дежурить с автоматом в одиночном окопе ("в секрете") на так называемой нейтральной полосе. Задача — открывать огонь без предупреждения, независимо от того, кто и в какую сторону пробирается. Дело в том, что были случаи дезертирства и бегства военнослужащих в сторону немцев.

1943 год. Сталинградская битва, освобождение Украины на девобережье Днепра, форсирование Днепра, наступательные бои на правом берегу, ранение и лечение в

госпитале в Донбассе.

О Сталинградском сражении хочется сказать особо.

Девиз воннов, защищавших Сталинград, "Стоять насмерть" был суровой и горькой действительностью. Здесь дрались, стояли и умирали, но дальше не отступали. Да и отступать было некуда. Позади Волга!

Линия фронта в городе была своеобразная, особенная. Она проходила между цехами одного завода, между домами на улице, между этажами жилых домов и производственных цехов, которые нередко переходили из рук в руки. Неоднократные приказы Гитлера взять город во что бы то ни стало наталкивались на упорное сопротивление наших воинов. Поэтому схватки при атаках немцев, часто доходившие до рукопашных, были яростными и жестокими. После отбитой очередной атаки в минуты временного затишья внутри здания можно было видеть лежащие рядом трупы — один из них в зеленой шинели (немец), другой — в серой (наш боец).

В критические моменты оборона наших войск держалась на узкой полосе правого; высокого и обрывистого, берега Волги. В крутизне берега были отрыты много—численные блиндажи. В них размещались командные пункты полков, дивизий, а также командующего 62—й армией В.И. Чуйкова. Полевой устав войск, предусматривающий эшелонирование пунктов управления войсками в глубину обороны, здесь не действовал. Все пункты управления находились на одной линии, все были в одинаковых условиях, рядом с противником. К этому вынуждала сама обстановка.

Стрелковая дивизия, в штабе которой я служил, прибыла на усиление обороны ставшей легендарной 62—й армии в октябре 1942 года. Это был самый критический момент. Дивизия заняла оборону в районе завода "Красный Октябрь", отражая многочисленные атаки неприятеля, в том числе непосредственно на территории завода.

19 ноября 1942 года наши войска начали операцию по окружению, вражеской группировки войск в районе Сталинграда и вскоре успешно ее осуществили. Попытки немцев прорвать кольцо окружения не увенчались успехом.

Роли поменялись. Теперь немцы перешли к обороне. Начались бои по их уничтожению. Враг упорно и долго сопротивлялся. Лишь 2 февраля 1943 года окруженные войска капитулировали. Командующий немецко—фашистскими войсками 6—й армии фельдмаршал Паулюс со своим штабом сдался в плен.

Длинные шеренги сдавшихся немецких солдат и офицеров с утра 2 февраля выстраивались на Волге и обезоруживались. Словно насекомые из щелей, онивыползали из окопов и траншей, блиндажей, нодвалов с поднятыми вверх руками.

Так закончилось историческое сражение на Волге.

Нельзя не отметить, не отдать дань глубокого уважения и восхищения тем людям, которые своим героическим трудом ковали победу в тылу.

Помню такой эпизод. В середине января 1943 года в одном из цехов завода "Красный Октябрь", где мы держали оборону, появилась группа граждапских лиц. Их было человек 6—7. Это было довольно неожиданным для нас, но смелым и весьма рискованным шагом для них, так как все еще возникали перестрелки с обеих сторон, и на территории завода свистели пули. Мы заинтересовались целью такого необычного визита. Оказалось, это была группа инженеров и специалистов, которая прибыла выяснить условия, возможности и время, необходимые для восстановления завода. И это тогда, когда еще шли бои, а завод был полностью разрушен.

На наш вопрос: "Ну, и каков вывод?", последовал ответ, что на восстановление завода потребуется 8—9 месяцев. Невероятно! Этому трудно было поверить, так как все цеха огромного завода находились в развалинах. Неужели в неимоверно тяжелых условиях военного времени можно было выполнить такую задачу?! Каково же было удивление, когда в конце 1943 года я прочитал в газете, что металлургический завод "Красный Октябрь" работает на оборону. Полностью или нет был восстановлен завод, я не знаю, но это и не имеет значения, так как я видел, в каком состоянии он находился.

1944 год. Освобождение Белоруссии! Жаркое лето, длинный день, непрерывные налеты немецкой авиации на колонны войск, которые хорошо были заметны с воздуха. По нескольку раз в день звучали команды "Воздух!". Надо было укрываться в стороне от дорог.

Будучи за пределами СССР, запомнил сложную операцию в районе города Ньиредьхаза (Венгрия), когда дивизия, войдя в тыл противника, сама оказалась в окружении и с боем выходила из него.

1945 год. Довольно успешное продвижение по территории Чехословакии. Естественно, много впечатлений о жизни и быте людей, живших в "капиталистическом рабстве". Ведь до войны пропагандировалось, что "там" все плохо и худо.

Опасность на войне подстерегала каждого. Мне особенно запомнились два случая, когда я просто чудом остался в живых. Первый — ранение. Шел октябрь 1943 года. Ночь, ни зги не видать. Еду на лошади по полю на огонь пожарища. Там, видимо, должен быть полк, который я разыскивал. Вдруг раздались два взрыва слева и справа. Мины! Лошадь рванула (благо, назад). Я с трудом ее остановил, но правая рука не слушалась. Ранило меня еще в двух местах.

Второй случай произошел под городом Барановичи в Белоруссии в 1944 году. Немцы перешли в контратаку. Надо было срочно окапываться, хотя бы на глубину "в положении лежа", поскольку велся сильный артиллерийский и минометный огонь. И вот в какой — то момент я почувствовал, как стенки окопа как бы придвинулись и слегка сжали мое туловище. Несколько позже, когда бой стих и атака была отбита, рядом с окопом я увидел входное отверстие снаряда или мины, к счастью, не взорвавшейся.

Отношения на войне складывались разные. К кадровым военным лично я относился с уважением (поскольку и сам был таковым). К политработникам относился с завистью и пренебрежением. С завистью потому, что опи, насколько я видел, ни за что не отвечали, никаких норучений штаб части или соединения им не давал. Ими командовал политотдел.

Абсолютное их большинство находилось в тылу. Исключения составляли политруки рот и батальонов, которые вместе со строевыми командирами несли все тяготы войны на своих плечах. К СМЕРШевцам я относился крайне отрицательно, просто терпеть их не мог. Особенно после того, как по настоянию одного из них расстреляли перед строем юношу рядового за преступление, квалифицированное как трусость. Наказание вполне могло быть другим, сохранявшим жизнь молодому парню.

К гражданскому населению относился сочувственно, особенно к населению оккупированных районов. К Главнокомандующему отношение было глубоко уважительное. Его приказы и распоряжения выполнялись беспрекословно.

Были среди солдат и верующие. Как тогда, так и теперь, к верующим отношусь уважительно, приветствую восстановление христианских храмов как очагов и символов единения россиян, исконно русской культуры, общечеловеческих ценностей. Во время войны не раз приходилось произносить: "О, Господи", — но это скорее было спонтанно, не по убеждению. Ведь нас воспитывали атеистами.

вов закончил в военном госпитале в Будапеште, там и узнал о Дне Победы.

Мирная жизнь вскоре после войны, а точнее в 1947 году, после увольнения в запас была тяжелой. Затем снова учеба, снова служба в Вооруженных Силах, и все встало на свои места.



Нанес мне душевную рану
Последний газетный столбец:
Редеют ряды ветеранов,
Еще один выбыл боец.

Я не был с ним вместе в сраженьях
И в части одной не служил.
Но он — моего поколенья,
Моим он ровесником был.

И так же мальчишкой безусым,
И тоже со школьной скамы!
Он где—то под Старою Руссой
Вступил в затяжные бои.

А после был ад Сталинграда: Тонул, замерзал и горел, За что боевые награды В солдатском активе имел.

Был ранен не раз и контужен,
И годен был вновь к строевой—
И в зимнюю лютую стужу,
И в летний полуденный зной.

Пройдя до последнего шага
Суровый военный маршрут,
Он с пыльных ступеней рейхстага
Дал в небо победный салют.

А после в гражданской одежде Был в новом рабочем строю И так же, как в юности прежде, Опять на переднем краю.

ЛЕСТЕХОВЦЫ - ВОБЕДЕ .

Он строил дома и заводы, В которых нуждалась страна, За что, как в военные годы, Давали ему ордена.

С азартом мужским и любовью Учился и мог обучать. А вот дефицита в здоровье Не мог, не умел замечать.

Но стронулась мины частица
Под сердцем в негаданный срок...
И вот на последней странице
Газетный скупой некролог.

А в роще на взгорке горбатом
Еще один холмик встает.
Выходит, по нашим квадратам
Опять артиллерия бъет.

Танкисты, связисты, саперы, Друзья фронтовые мои! В сердцах наших стихнут не скоро Бомбежки, обстрелы, бои.

Полковники и капитаны,
Идет еще наша война.
Ну что жі Мы на то ветераны
И носим свои ордена.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие
Вспоминают участники Великой
Отечественной войны
Алябьев В.И., профессор
Баздырев Н.Д., ст. преподаватель 11
Башинский В.Ю., доцент
Верхов И.Ф., профессор
Каливерда В.Е., полковник-инженер 22
Лебедев Н.И., профессор
Мальцев Н.А., профессор
<i>Мельников А.К., доцент </i>
Никитин Л.И., профессор
Носов А.П., профессор
Пижурин А.А., профессор
Пикалкин В.Н., профессор
Пименов А.Н., профессор
Шелгунов Ю.В., профессор
Шубин Г.С., академик
Шукшин Ю.С., зав. лабораторией 86
Щербаков Н.Н., ст. преподаватель 89
Стихи А.В. Вагина